

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 4.
АПРѢЛЬ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учебн. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бяляевская О. А. „Напѣль“. Стихотворенія. 40 к.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учебн. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнич. библ. низшихъ учебн. завед.

Нондуршинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Кэрроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск. Allegro. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Джозъ. „Бунъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной.

Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнич. библ. низшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебнич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* Допущено въ ротныя библотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малазіева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ

обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебнич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для учебнич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнич. библ. средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для учебнич. библ. низ. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнич. библ. низ. училищъ и признано подлежащимъ вниманія при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. и библ.

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамно дѣтство“. Разказъ изъ инстигурской жизни. Съ рисунк.

Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнич. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ учебнич. библ. городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ

50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнич. библ. низшихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнич. библ. средн. учебн. заведеній.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Поливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для учебнич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебнич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнич. библ. низшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Апрѣль № 4.

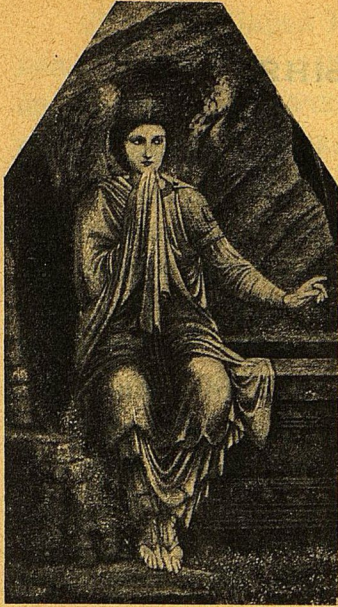
ЖУРНАЛЪ
ТРОПИИКА.

221 - 4/6

Содержаніе.

1. Два ангела—съ картины англійскаго художника *Данте Габріэля Россетти*: „Утро Воскресенія“.
2. Воскресеніе—стихотвереніе *П. Быстрова*.
3. Тайная милостыня—разсказъ *Н. Манасеиной*.
4. Воскресеніе весны—стихотвереніе *М. Цожаровой*.
5. На вершину Арарата—*А. Лидисъ*. (Продолженіе).
6. Оправданіе воробьевъ—стихотвереніе *Аллегро*.
7. Знакомство съ царствомъ растений—*С. Лебедева*.
8. Диккенсъ—*П. Мамаева*.
9. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой*. (Продолженіе).
10. Астрономическія карты—*А. Лидисъ*.
11. Историческій календарь.
12. Шарада въ лицахъ.
13. Обо всемъ понемногу.
14. Игра въ цѣпь изъ словъ.
15. Рисунки животныхъ и птицъ.
16. Вѣсти отовеюду.
17. Счастливый цыпленокъ.
18. Ребусъ нашего читателя № 2.
19. Загадки.
20. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ №.
21. Отъ комиссіи СПБ. Общества Грамотности по устройству школьныхъ столовыхъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Воскресеніе.

Въ саду прохлада заревая,
И кипарисовъ темнота,
И, входъ гробницы охраняя,
Недвижныхъ воиновъ чета.

Все въ полумракѣ ждетъ разсвѣта:
Земля, деревья, каждый, листъ...
И вотъ съ небесъ потоки свѣта,
Нездѣшнихъ крылъ шелковъ свистъ...

И воины бѣгутъ въ смущеньи,
Закрывши лица, безъ рѣчей,
Бѣгутъ отъ свѣтлаго видѣнья,
Какъ тьма отъ солнечныхъ лучей.

И камень отваленъ отъ гроба,
И Онъ, сіяющій, встаетъ.
Гдѣ смерти жало? Ада злоба?
Весь міръ проснулся и цвѣтетъ.

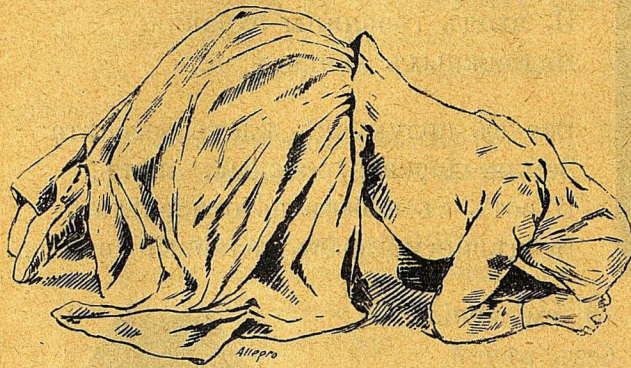
Идемъ, идемъ аллеей длинной,
Туда, гдѣ свѣтъ, туда, гдѣ Онъ.
Идемъ во слѣдъ за Магдалиной...
Весь міръ проснулся и спасенъ.

П. Быстровъ.

Тайная милостыня.

НА первой недѣлѣ Великаго поста у лавочницы Дарьи Ивановны умеръ семилѣтній сынъ Васятка. Горло прихватило, жаръ сдѣлался, и сгорѣлъ въ три дня, какъ хворостиночка. Мальчикъ былъ съ виду невзрачный, худенькій,

Какъ стояла, такъ и грохнулась на полъ передъ образомъ.

блѣдный, на кривыхъ ножкахъ, часто прихварывалъ, а только это у него какъ-то незамѣтно проходило. Веселый онъ былъ. Чуть полегче станетъ, онъ ужъ дома минуточки лишней не посидитъ. Все бы ему съ друзьями-

пріятелями по улицѣ бѣгать. Вотъ и на масляной до того набѣгался, до того съ горъ накатался, что слегъ совѣмъ. Пріатели-друзья всѣ оконца у Дарьи Ивановны простучали, Васятку къ себѣ вызывали. Скучно имъ безъ него было. А онъ такъ и не вышелъ.

Померъ Васятка.

Мать его, лавочница Дарья Ивановна, свѣта отъ горя не взвидѣла. Какъ стояла, такъ и грохнулась на полъ передъ образомъ. А потомъ цѣлую недѣлю пластомъ пролежала, не пила, не ѣла. Васятку, маленькаго, хилаго да некрасиваго, больше всѣхъ другихъ дѣтей любила она.

Лежить Дарья Ивановна, головы не поднимаетъ, а безъ нея въ домѣ все черезъ пень-колоду идетъ. И Яковъ, и жена его молодая, и дочка - невѣста—всѣ безъ Дарьи Ивановны, какъ безъ рукъ. Она, съ той поры, какъ осталась вдовой, весь домъ повела, да такъ повела, что скоро Зыбины богачами стануть.

Лавку Дарья Ивановна расширила, товару прибавила и еще постоялый дворъ открыла. При дворѣ сына Яшу поставила, а въ харчевню при постояломъ дворѣ—дочку Пашу да невѣстку Оеклушу опредѣлила. А только безъ Дарьи Ивановны они ничего не могутъ. Товаръ въ лавкѣ подобрался, кормъ для лошадей кончается.

— Маменька, ты бы хотъ взглянула...

Поднялась черезъ силу Дарья Ивановна. Въ лавку прошла, изъ лавки на постоялый дворъ.

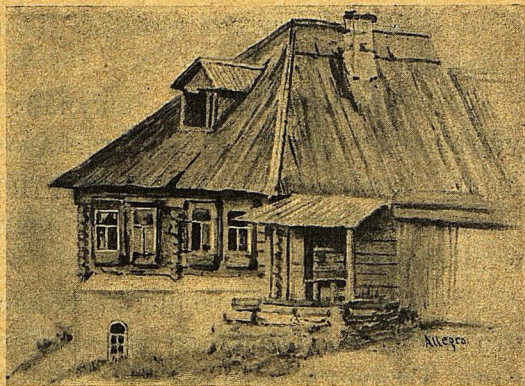
И, оглядѣвъ все, только сказала:

— Самой надобно.

А на утро уже за стойкой въ лавкѣ стояла.

Васятку не вернешь, а раззоряться кому охота. Работа тоже хорошо отъ тоски помогаетъ. Больше прежняго завалила себя работой Дарья Ивановна. И ее саму, и тоску ея, и мысли разныя, отъ которыхъ она пластомъ лежала—все работа покрыла.

Къ празднику этой работы да хлопотъ съ каждымъ днемъ все прибавлялось.

Домъ Зыбиныхъ.

Пасха въ этомъ году ранняя выдалась. Распутица захватила людей подъ самую Страстную. Сразу въ городъ проѣзда не стало, и всѣ покупатели бросились за предпраздничными покупками къ Дарьѣ Ивановнѣ. Лавка ея на самой проѣзжей дорогѣ стояла и всѣмъ извѣстна была. Одного только боялись люди: всего ли у нея про всѣхъ хватить.

— Запаслись ли всѣмъ, Дарья Ивановна?—люди спрашиваютъ.

— Ничего. Больше покупайте!—съ ласковой и хитрой усмѣшкой успокаиваетъ всѣхъ лавочница.—На то мы и торговые люди, чтобы знать, когда чего потребуется. Всего припасли.

А разговорится съ покупателемъ побогаче Дарья Ивановна и прибавить:

— Съ нашихъ то ближнихъ, деревенскихъ, дохода, почитай, что никакого. Особливо въ нѣшнемъ году. Неурожайный годъ. Бѣдуетъ народъ.

И не успѣетъ Дарья Ивановна сокрушеннаго лица сдѣлать, какъ надъ дверью уже опять звонокъ забрякалъ. Новый покупатель идетъ.

У Дарьи Ивановны глазъ привычный. Глянетъ и сразу узнаетъ, какой товаръ чловѣку требуется и какъ его отпустить надо. Въ торговомъ дѣлѣ безъ хитрости не проживешь. Бумага оберточная, и та въ расчетъ идетъ. Потолще ее взять—купцу выгоднѣе, потоньше—покупателю барышъ. Гдѣ бумагой не возьмешь, тамъ пальцемъ по товару уже на вѣсахъ прижмешь или просто зубы заговоришь покупателю, когда вѣшаешь. Зазѣвается чловѣкъ, а у Дарьи Ивановны уже готово. Грошъ какой или копейку, а все накинула. Все въ домъ, да на прибыль. Изъ грошей да копеечекъ рубли, а изъ рублей—капиталъ. И все Дарья Ивановна. Ее и горе не взяло, и устали на нее нѣтъ.

Яша съ лица спалъ. Паша съ Оеклушей до того допеклись, доварились, да дожарились, что къ вечеру на ногахъ не стоятъ. А Дарья Ивановна—ничего. Держится. А почему держится?

— Потому держусь, что ни о чемъ, какъ о дѣлѣ, не думаю. Мыслей другихъ себѣ въ голову не пускаю,—сама про себя говоритъ она. —А вы что? Передъ каждымъ рады уши развѣсить. Одинъ одно скажетъ, другой другое. А отъ чужихъ мыслей да словъ свое то дѣло изъ головы и вонъ.

Справедливо говоритъ Дарья Ивановна. Сынъ съ женой и дочка на нее только дивуются.

— Куда ужъ намъ до маменьки,—говорять.

А только разъ молодая невѣстка вышла съ мужемъ постоять на крылечкѣ, послушала, какъ птицы чирикаютъ, посмотрѣла, какъ солнышко по лужамъ, да по колеямъ, въ застоившейся водѣ, играетъ и вдругъ говорить:

— Что это. Яшенька, думается мнѣ, будто на нашей сторонѣ и праздникъ по другому подходить и весна веселѣе...

Самому Яшѣ было тоже не больно весело. Цѣлый день пріѣзжихъ принимай, провожай, уговаривай, угождай, деньги считай, а вечеромъ все до послѣдней копеечки матери сдавай, да такъ, чтобы безъ просчета. На крылечко Яшѣ за всю недѣлю первый разъ удалось безъ дѣла выйти постоять.

А только всего этого онъ женѣ не сказалъ. Разсердился на ее слова, даже прикрикнулъ:

— Какое еще тебѣ веселье! Живемъ, кажись, слава Богу: всего довольно.

— Ой, довольно, Яшенька, всего довольно. Дома у насъ, самъ знаешь, куда бѣднѣе... да только полегче, быдто, посвободнѣе. Работу какую начнешь, а сама пѣсню затянешь. А тутъ я разъ затянула, такъ мнѣ отъ маменьки какъ попало: „Что

это ты, Оеклушка“, говорить, „хороводы что ли вздумала водить?“. Тутъ все дѣло да дѣло, деньги да деньги.

— Извѣстно: дѣло да деньги. Одно слово: торговля, а маменька у насъ первѣйшая купчиха, до тонкости эту самую торговлю понимаетъ.

— А мы съ Пашей, Яшенька, думали, какъ Васятка померь—маменька и вовсе торговать бросить. Вотъ убивалась, вотъ убивалась! Мы съ Пашей на нее посмотримъ—и сами разливаемся-плачемъ. Больно жалко, ей Богу.

— Ну, что жъ, поплакали и будетъ. Не вѣкъ же горевать.

— Извѣстное дѣло, а только и Васятку жалко: занятный такой былъ мальченка, а ужъ добрый! Я такого другого добраго и не видывала. Всякому убогому норовить подать и свое все, какъ есть, ребятамъ отдавалъ. Какъ на Покровъ то маменька моя рѣдная приходила, такъ онъ чего-чего только ей въ котомку не напихалъ: и бубликовъ, и яичекъ: „Отнеси“, говоритъ, „баушка, Матрешкѣ съ Оомкой“. Матрешка и Оомка страсть любили его. Теперь, небось, насидятся безъ гостинцевъ.

— Да, въ веселой то вашей сторонѣ нонѣ, чай, и разговѣться будетъ нечѣмъ.

— Нечѣмъ, Яшенька, нечѣмъ, вѣрное твое слово. Мнѣ и то иной разъ думается: я то тутъ живу въ богатствѣ да сытости, а они то...

Оеклуша нагнулась низко-низко, уголокъ передника ногтемъ разглаживаетъ. Жалко Яшѣ ее стало. Хотѣлъ онъ, какое ни на есть, ласковое слово ей сказать, да изъ избы, какъ разъ Паша выбѣжала.

Выбѣжала и говорить:
— Ключъ отъ большого сундука вотъ какъ надобно, да къ

маменькѣ подступиться боюсь. А тамъ и лента красная, и платье, что къ заутренѣ надѣвать.

— Оеклуша! Куда пропала?—Это Дарья Ивановна крикнула.

Оеклуша со всѣхъ ногъ въ лавку бросилась.

Въ лавкѣ не протолкаешься. Дарья Ивановна товаръ отбираетъ, сама вѣшаетъ и деньги беретъ, и слачу отсчитываетъ.

— Подсоби!—невѣсткѣ кричить, а потихонечку, когда та близко подошла, шепчетъ:

— Приглядывай, какъ бы чего лишняго кто не прихватилъ.

Цѣлый день такъ-то проторговали. Въ Великій Четвергъ это было. День для закупокъ чуть что не самый послѣдній. Колокольчикъ надъ дверью до самыхъ сумерекъ все брякалъ, да брякалъ.

У Оеклуши уже глаза не смотрѣли, когда, наконецъ, послѣдняго покупателя изъ лавки проводили.

Собралась Дарья Ивановна выручку подсчитать и говорить невѣсткѣ:

— Иди себѣ на покой, Оеклуша. И пускай меня съ ужиномъ не дожидаютъ. Поужинаете—спать ложитесь. Лавочку я запру. Ночнымъ временемъ покупать не станутъ, а съ проѣзжающимъ какимъ я и одна безъ Яши справлюсь.

— Приустали и вы, чай, маменька?

— А у меня куличи поставлены. Все равно мнѣ печь надобно.

— Подсобить бы вамъ...

— Нѣтъ, я одна. Иди, иди... Охъ, слабый вы народъ, какъ я погляжу. Куда вамъ за мной.

Ушла Оеклуша. Дарья Ивановна деньги считаетъ. Мѣдяки въ отдѣльныя стопочки ставитъ. Серебро отдѣльно.

Духота въ лавкѣ. Воздухъ за день весь выдышали. Только запахъ одинъ остался. Пахнетъ селедкой, корицей, дегтемъ, пахнетъ затоптаннымъ поломъ. Нехорошо, тяжело пахнетъ.

Не разбираетъ Дарья Ивановна что хорошо, что плохо. Привыкла. Сидитъ. Деньги считаетъ. Выручка большая. Довольна она.

Первая звѣздочка, еще блѣдная, въ лавочное оконце заглянула. Дарья Ивановна выручку спрятала. Пошла дверь запираеть и вдругъ колокольчикъ—брякъ.

Тихо брякнулъ колокольчикъ. Маленькія слабыя руки дверь отворили. Вошелъ мальченка. Кацавейка на немъ бабья, веревочкой подпоясана, въ шапкѣ съ козырькомъ голова потонула. Лаптей отъ налипшей грязи совсѣмъ и не видать.

Замѣтила Дарья Ивановна суму холщевую черезъ плечо. Сунула на ходу руку въ первый попавшійся мѣшокъ. Сѣмечки прихватились.

— Вотъ тебѣ! А за копеечкой завтра приди. Сегодня я уже деньги прибрала. Для милостыньки доставать не стану.

А мальченка сѣмечекъ не беретъ.

— Я, тетенька Дарья, къ тебѣ не за милостынькой, — говорить.—Вотъ семь копеекъ. Отвѣсь-ка мнѣ мучки пшеничной.

Тоже покупатель явился!

Усмѣхнулась Дарья Ивановна. Пошла муку отвѣшивать.

— Что больно поздно тебя мать посылаетъ?

— Да она не посылаетъ. Самъ я пошелъ. Цѣлый день за милостынькой пробѣгалъ. Припоздалъ. Семь копеекъ набралъ. Хочу мамкѣ на куличъ муки принести, за тѣмъ и зашелъ.

— А ты чей будешь?

— Не признала развѣ, тетенька? Родивоновъ я. Сѣмка Родивоновъ. Твоему Васяткѣ пріятель.

— Сѣмка?

Заглянула подъ козырекъ Дарья Ивановна. Сѣмка и есть.

— Ты чего же, пріятель, христорадничаешь? Попрошайка ты, какъ я погляжу. Раньше, помню, ты все у Васятки клянчилъ.

— А нынче, тетенька, у насъ, почитай, что всѣ въ кусочки пошли. Ей Богу. Хлѣбушка вовсе нѣтути. И Кирюшка Аѳонькинъ, и Зубаревъ Сашка, тоже твою Васятку пріятели, всѣ собираютъ. А кругомъ, по деревнямъ, нонѣ безъ хлѣба сидятъ. Подаютъ мало. А Яшка Василисинъ, пѣвунъ-Яшка, — съ Васяткой твоимъ они пѣсни все пѣли, — такъ онъ больной которую недѣлю лежитъ. Только оттого и не ходитъ за милостынькой, что хворааетъ дуже.

Ушелъ Сѣмка. Сѣрый мѣшечекъ съ мучицей забралъ и ушелъ. Дарья Ивановна лампочку потушила и тоже изъ лавки пошла. Пришла въ харчевню, отворила заслонку у русской печки, въ большой горшокъ, покрытый чистымъ холщевымъ полотенцемъ, заглянула. Печка, какъ надобно. Въ самую пору, и тѣсто хорошо подошло. Прибралась Дарья Ивановна, руки, лицо вымыла, бѣлымъ платочкомъ волосы повязала, платье чистое надѣла и за кулички принялась. Живо она съ тѣстомъ управилась и въ печку его куличиками позапрятала. Потомъ ихъ заслонкой заставила, а сама на лавочку присѣла.

Сѣмка Родивоновъ.

Дожидается, когда испекутся. Руки сложила. Сидить. Непривычно и будто неловко ей такъ-то, со сложенными руками сидѣть, а ничего не подѣлаешь. Отойти отъ печки нельзя: куличи!

Заглянула тихонечко за заслонку.

Подымаются! Да какъ хорошо подымаются! И усмѣхнулась Дарья Ивановна. Про Сѣмку вдругъ вспомнила. „Съ фунта куличъ! И положить въ него нечего. Да Сѣмка и дрожжей то не взялъ. На чемъ тѣсто то ставить?... А у меня то миндаль да изюмъ гдѣ же?“ вдругъ всполошилась Дарья Ивановна. Забыла она сверху куличей миндалю съ изюмомъ положить. „Можетъ, поспѣю еще.“

Захлопотала Дарья Ивановна, а только, пока она все доставала, да чистила, куличи сверху уже твердой румяной корочкой накрылись. Такая досада! За дѣломъ, понятно, всего не упомнишь. На изюмъ да миндаль у нея памяти не хватаетъ. И прошлый годъ вотъ такъ-то тоже позабыла. Хорошо, что Васятка вспомнилъ:

— А миндаль да изюмъ, мамынька, гдѣ же? Давайте-ка поскорѣй, я начищу.

И начистилъ. Половину поѣлъ, чистивши, а всетаки куличи не пустые выпеклись. А вотъ безъ Васятки...

И мальчикъ какой занятный былъ. Ничего, что худой, желтый, да на кривенькихъ ножкахъ. А ужъ весельчакъ, да пѣвунъ! Такихъ на деревнѣ больше и нѣтъ. Вотъ развѣ еще Яшка. Тотъ тоже голосистый. Вдвоемъ съ Васяткой они заливались.

И сколько этому Яшкѣ Васятка изъ лавки всего, бывало, тащилъ. И того, и другого: и яичекъ крашенныхъ, чтобы на Пасху катать. Потихоньку не бралъ, все выпрашивалъ:

„Мнѣ, мамынька, того дай, этого прибавь. У пріятелей недостача“.

Такъ пристанеть, что и не охота бы давать, а даешь.

И столько тутъ про Васятку Дарья Ивановна вспомнила, что чуть куличей въ печкѣ не передержала.

Вынула изъ печки куличи, рядышкомъ ихъ, румяные, на столѣ выставила.

Хороши куличи. Удались.

Теперь бы и спать лечь, а спать не охота. Придѣлать бы чего еще, да больше нечего, кажется. Вотъ, развѣ, еще изюмъ съ миндалемъ, что понапрасну начистила, къ мѣсту прибрать. Добро, вѣдь. Пригодится. Сгребаеть все со стола въ руку Дарья Ивановна, а сама задумалась: опять про Васятку вспоминаеть. Вѣдь, вотъ, серчала на него иной разъ: начнетъ выпрашивать чего—не отстанеть. Серчала, а теперь пришелъ бы да попросилъ,—дала бы, съ радостью все бы ему отдала. Да не придетъ, не попроситъ. Уронила Дарья Ивановна голову на руку. Сама рукой миндаль и липкій изюмъ зажимаетъ, а сама плачетъ. И вдругъ ей въ самое ухо Васяткинъ тоненькій голосокъ шепоткомъ: „Дай, мамынька!“

Вздрогнула Дарья Ивановна, по сторонамъ оглядѣлась. Ни за нею, ни по угламъ, кажись, никого. А „дай“ такъ въ ушахъ и стоитъ.

„Дамъ, родненькій, дамъ. Пускай душеньку твою люди помянуть.“ Подумала это Дарья Ивановна, завертѣла изюмъ съ миндалемъ въ бумажку, лампочку захватила и въ лавочку прошла. Тамъ она въ чашку глиняную муки изъ мѣшка набрала, свѣчечку восковую, тоненькую изъ свѣчного ящика вынула. Свѣчечку и изюмъ съ миндалемъ сверху муки положила и, съ головой теплымъ платкомъ накрывшись, на улицу вышла.

Ночь на нее золотыми звѣздами съ неба глянула. Вѣтеръ, запахомъ талой земли пропитанный, въ лицо пахнулъ. Отвыкла отъ свѣжаго воздуха въ лавкѣ своей Дарья Ивановна, голова у нея даже кружилась, какъ она улицей мимо темныхъ заснувшихъ избушекъ шла.

У избы Яшки-пѣвуна остановилась. Смотрить, выглядываетъ въ темнотѣ, куда бы ей свою тайную милостыньку на поминъ Васяткиной души положить.

Въ сѣнцы всего лучше. Тамъ сохраннѣе будетъ, да и замѣтнѣе. Выйдутъ утречкомъ и сразу милостыньку увидятъ.

Толкнула дверь Дарья Ивановна. Въ сѣнцы вошла, остановилась. Слышитъ въ избѣ разговариваютъ. Яшинъ голосъ сразу узнала Дарья Ивановна.

— Мама, а въ церковь въ Христову заутреню я нонче пойду?

— Пойдешь, Яшенька, пойдешь. Поправляйся только скорѣй.

— А на колокольню звонить пустишь?

— Пущу, родимый, пущу.

— А куличъ печь когда станешь? А яйца красить будемъ? А сырную пасху сдѣлаешь?

Молчитъ Яшина мать.

Замолчалъ и Яша. Помолчалъ, а потомъ опять его голосъ раздался:

— Сѣмка говорить, къ розговѣнью всего милостынькой понабралъ, а у Петьки—ну, какъ есть, ничего. Бабушка у него слѣпая. Прошлый годъ Васятка ему всего надавалъ. Дадимъ мы ему, мамка.

— Давать то намъ нечего. У самихъ ничего нѣтъ.

— Плохо безъ Васятки,—вздохнулъ Яша.

Домой пошла Дарья Ивановна. Идетъ, а дорогой все

вспоминаетъ, какъ Васяткѣ за этого Петьку-попрошайку отъ нея попадало.

„Дай да дай. Петькѣ дай. Бабѣ богомолкѣ старенькой дай. Старичку прохожему безрукому тоже дай!

Вошла въ лавку Дарья Ивановна, а у нея въ ушахъ: „Дай, дай, дай!“ Точно колокольчикъ звенить. Будто живой Васятка за нею ходить, ходить и просить: „Дай, дай, дай!“

Навязала цѣлый узелокъ Дарья Ивановна.

Сѣмкѣ — дрожжей; творожку — Ванькѣ; муки — Яшкѣ, а яичекъ — всѣмъ тримъ. Петькѣ — тому еще и куличекъ захватила: бабушка слѣпая, сама не испечетъ.

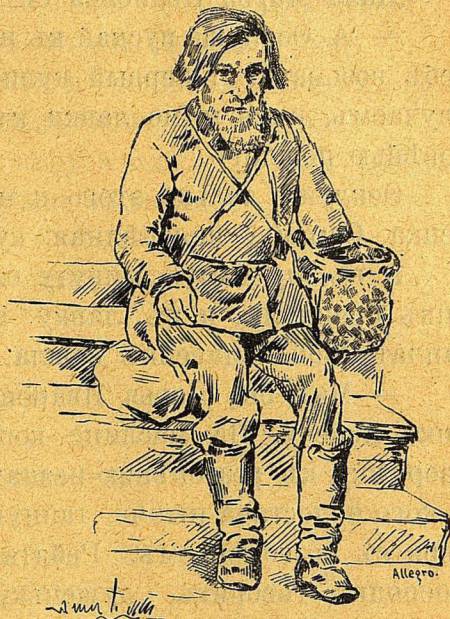
Нѣсколько разъ по избамъ бѣгала Дарья Ивановна, свои тайныя милостыньки съ восковыми свѣчками въ сѣнцахъ пристраивала. И съ воздуха весенняго, или съ чего другого, сама не замѣтила, какъ всѣ куличи со стола и перебрала.

Опомнилась — нѣтъ ничего.

Проснулись на утро домашніе, захотѣли куличи поглядѣть, удались ли, а куличей то и нѣтъ.

— Не удались у меня вчерашніе, — говоритъ Дарья Ивановна. — Новое тѣсто ставить пришлось.

Чудно что-то. Тѣсто пропало, убытокъ, а у Дарьи

Старичекъ-прохожій безрукій.

Ивановны лицо такое, что Паша бросилась къ ней и кричить:

— Маменька, мнѣ ключъ отъ сундука. Гдѣ моя лента красная? Праздникъ на дворѣ.

Дала Дарья Ивановна ей ключъ и говорить:

— А Оеклуша пускай къ празднику мои красные корольки себѣ возьметъ. И первый куличъ тоже ей будетъ. Пускай она случаемъ, какъ мимо лавки кто поѣдетъ, своимъ его къ розговѣнью пошлетъ.

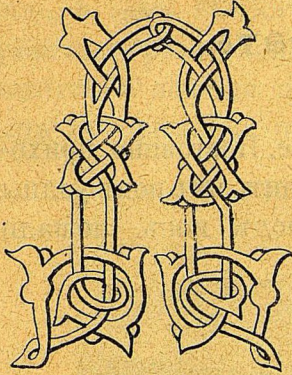
Оеклушѣ только этого и надо было. Сразу повеселѣла бабенка. Семья у нея бѣдная: куличъ тамъ кстати придется.

А въ эту самую минуту еле слышно дверной колокольчикъ брякнулъ, и въ лавку тихонечко баба въ старенькой заплатавной кацавейкѣ вошла:

— Мнѣ бы, Дарья Ивановна, маслица немножко. Куличикъ испечь. На маслице копеечекъ наскребла, а мучки да творожку къ розговѣнью незнамая душенька послала. Всѣмъ, у кого недостача нынче, тайную милостыньку подали. Всѣ теперь съ розговѣньемъ. Ребята то какъ радуются! „Помяни, Господи“, говорятъ, „душеньку незнамую“.

Н. Манаскина.

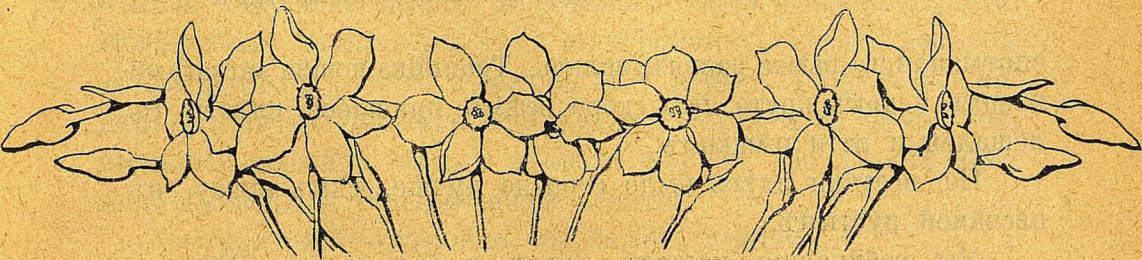

Воскресение Весны.

ОДЪ звонъ пасхальный, разсвѣтный,
Пловецъ въ вѣнцѣ изъ лучей
Скользилъ въ ладѣ нѣжноцвѣтной
Средь пѣны небесныхъ морей.
Безъ паруса плылъ и безъ вѣсель,
Воздушно сіяло лицо.

И алое, алое бросилъ
Онъ съ неба на землю яйцо.
Пылая, оно покатилося
И тучки зажгло зарей,
И въ блескѣ лучистомъ разбилося
О синій гробъ ледяной.
Пасхальный звонъ разливался,
Запѣла высь и волна.
И гробъ ледяной распался,
И, ясная, встала Весна.

М. Пожарова.

На вершину Арарата.

(Продолженіе).

ДОРОГА за Такиль-Ту гораздо труднѣе. Постоянно приходилось слѣзать съ лошадей и переводить ихъ подъ уздцы черезъ овраги. Камни вырывались изъ подъ ногъ, лошади

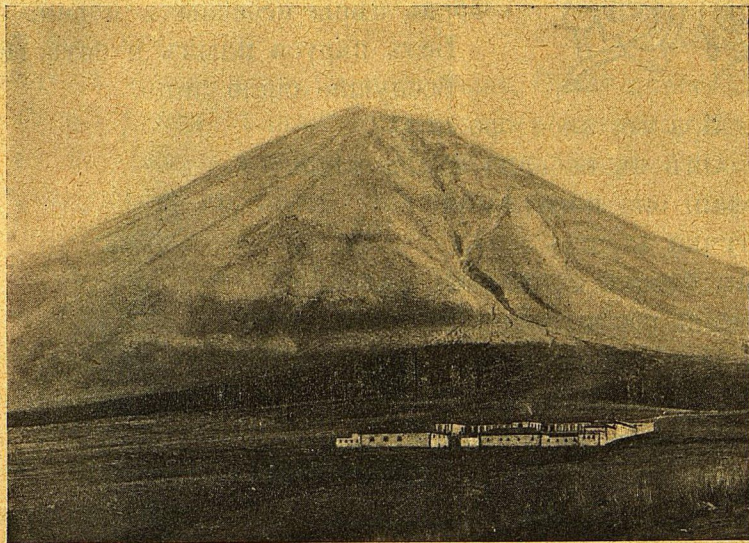

Рис. 9. Малый Араратъ, постъ Сардаръ-Булагъ и березовый лѣсокъ.

спотыкались, вьюки развязывались. Тропинка пошла зигзагами вверхъ и такъ круто, что скоро всѣмъ пришлось слѣзть съ лошадей и итти пѣшкомъ.

Но всетаки здѣсь было гораздо лучше, чѣмъ внизу, въ песчаной пустынѣ.

Мы взбирались наверхъ среди густой травы. Кругомъ много цвѣтовъ. Коля каждую минуту передавалъ солдату ло-

шадь, а самъ бѣжалъ ловить какого-нибудь жука или бабочку; кузнечики разлетались у насъ изъ-подъ ногъ цѣлыми стаями. Кажется и лошади наши повеселѣли, хотя подъемъ въ гору былъ по прежнему очень крутъ. Но вотъ мы поднялись на

Рис. 10. Кочевка Курдовъ.

широкую поляну, и передъ нами сразу показался длинный, бѣлый, каменный заборъ сторожевого поста Сардаръ-Булага. Можно было разглядѣть узкія окна бойницы, крыши казармъ за заборомъ, а потомъ и часовыхъ у воротъ. Рядомъ съ Сардаръ-Булагомъ чернѣлъ небольшой лѣсокъ, а за нимъ поднималась вершина Малаго Арарата (рис. 9). По полянѣ бродили буйволы и стреноженные лошади.

— Чьи они?—спросили мы нашего солдата.

— Курдскіе,—сказалъ солдатъ,—вотъ, посмотрите, стоятъ палатки курдовъ.

Дѣйствительно, въ сторонѣ отъ дороги мы увидѣли цѣлое курдское селеніе. Палатки у нихъ дѣлаются изъ буйволовыхъ шкуръ, но мы видѣли и бѣлыя парусиновые: въ

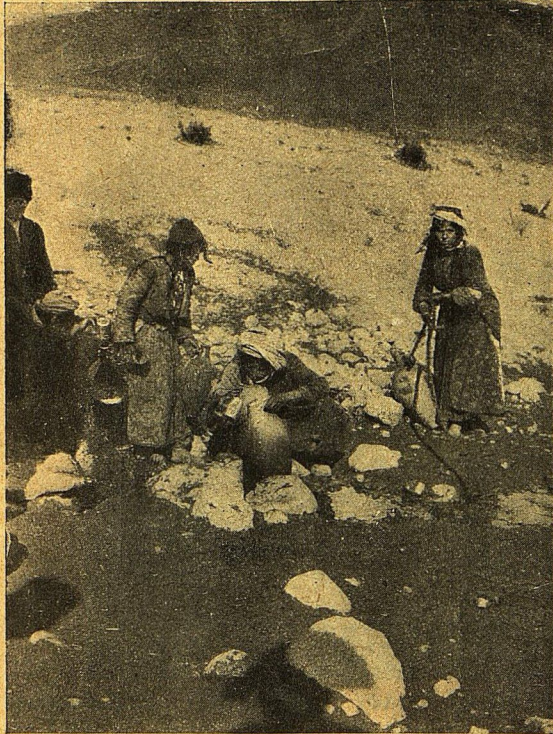

Рис. 11. У источника.

нихъ живутъ самыя богатые курды (рис. 10). Курдскіе ребятишки высыпали изъ палатокъ и съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Курдки въ яркихъ платьяхъ, съ большими глиняными кувшинами на спинахъ, цѣлой вереницей шли къ источнику (рис. 11). У источника толпились буйволы, лошади, плескались утки; двое ребятишекъ набрали полныя руки грязи и съ визгомъ размазывали ее другъ другу по щекамъ; тутъ же старая курдка стирала какія-то тряпки.

На посту насъ замѣтили, и когда мы подошли, у воротъ уже стояла толпа солдатъ.

— Здравствуйте! Кто вы такіе и куда идете?

— Сейчасъ все расскажем, а пока проводите насъ къ вашему офицеру.

Но офицеръ уже самъ шелъ къ намъ навстрѣчу.

— Очень радъ, что вы пришли на нашъ постъ. Вы вѣрно голодны и устали. Сейчасъ приготовить ужинъ; приходите, я буду васъ ждать у себя, а пока, вотъ этотъ солдатикъ покажетъ, гдѣ можно сложить вещи.

Какъ хорошо было умыться послѣ этой пыльной и жаркой дороги!

Черезъ часъ мы всѣ сидѣли въ столовой у офицера, ужинали и разсказывали о своемъ путешествіи. Намъ казалось, что мы уже очень давно не видѣли скатерти, не ѣли вилками и не сидѣли въ комнатѣ при лампѣ. Хорошо, что не нужно сейчасъ никуда итти, можно залечь и выспаться въ волю.

Пока мы ужинали, совсѣмъ стемнѣло. Ворота заперли наглухо. Вездѣ были разставлены часовые, спущены сторожевыя собаки. Солдаты пропѣли во дворѣ, подъ открытымъ небомъ, молитву, и скоро на посту все затихло. Только изрѣдка лаяли псы, перекликались часовые, да фыркали на конюшнѣ лошади. Оба Арарата съ двухъ сторонъ глядѣли на насъ своими вершинами. Порой слышно было, какъ съ Малаго Арарата катились камни.

— Вѣрно, тамъ ходитъ кто-нибудь?—говорилъ Коля.

— Тамъ никого нѣтъ,—отвѣчалъ офицеръ,—камни сами собой срываются съ кручи и летятъ внизъ. Когда завтра будете подниматься на Араратъ, берегитесь этихъ камней.

Въ большой комнатѣ намъ поставили солдатскія койки. Мы легли и заснули, какъ убитые.

Однако, долго спать не пришлось. Рано утромъ насъ разбудил солдатъ:

— Вставайте, ваши благородія, пришли носильщики.

Мы вскочили и начали собираться. Англичане взяли за походные кофейники, два мои товарища начали укладывать

въ ящики научные приборы. Николай Александровичъ наскоро пришиваль какую-то пуговицу. Григорій Ивановичъ съ Колей искали по всей комнатѣ Колину ящерицу, которая за ночь успѣла разломать деревянную коробку и удрала. Наконецъ, ящерицу нашли въ углу подъ койкой и засадили въ стеклянную банку.

На дворѣ насъ ждала цѣлая толпа курдовъ-носильщиковъ. Всѣ вещи раздѣлили на маленькіе, легкіе свертки, и каждый курдъ долженъ былъ нести одинъ свертокъ. Однако, долго еще дѣло не могло наладиться: курды ссорились, каждый хотѣлъ взять поменьше поклажи; кричали другъ на друга, пробовали то тотъ, то другой свертокъ, опять бросали. Двое подрались. Прибѣжалъ старшина курдовъ Меметь-бекъ и едва рознялъ ихъ. Наконецъ, всѣ вещи были разобраны.

— Ваши благородія, и мы хотимъ итти съ вами,—пристали къ намъ казаки.

— Идите, если офицеръ вамъ позволить.

— Да я и самъ съ вами пойду,—сказалъ офицеръ.

Въ нѣсколько минутъ они были готовы, и мы выступили въ походъ.

У воротъ пришлось раздѣлиться: два мои товарища, Меметь-бекъ и нѣсколько носильщиковъ пошли на Малый Араратъ, а я съ англичанами, офицеромъ, Никлаемъ Александровичемъ, Григоріемъ Ивановичемъ, Колей, нѣсколькими казаками и двѣнадцатю курдами отправились на Большой.

Опять начался подъемъ по лужайкамъ и откосамъ среди высокой травы и цвѣтовъ. Хорошо было итти: не жарко, не очень круто.

— Вотъ здѣсь внизу уже начинается Турція, а тамъ и Персія,—указалъ офицеръ.

Мы всё подбѣжали къ краю гребня.

Прямо передъ нами внизу видно было нѣсколько небольшихъ уже потухшихъ вулкановъ; за ними начинались какія-то горы; вдали зеленѣли сады.

— Вотъ за тѣми желтыми скалами лежитъ турецкій городъ Баязеть, — объяснялъ офицеръ, — по этой тропинкѣ можно туда спуститься; тропинку продѣлали курды, которые на зиму, когда здѣсь все заноситъ снѣгомъ, спускаются со своими буйволами къ Баязету, потому что тамъ теплѣе; лѣтомъ во-кругъ Баязета вся трава высыхаетъ, поэтому еще весной, какъ только сойдетъ снѣгъ, курды опять поднимаются къ намъ и гостятъ у насъ до осени.

— А покажите намъ Персію.

Но на персидской сторонѣ видѣнъ былъ только тѣмный горный хребетъ, да и тотъ скоро заволокло тучами.

— Посмотрите лучше на сѣверъ.

Мы обернулись. Прямо передъ нами разстилалась широкая равнина, по которой извивался Араксъ; вдали, за Араксомъ толпились Кавказскія горы. Среди нихъ возвышался бѣлоснѣжный Алагезъ, такой же уже потухшій вулканъ, какъ и Арарать.

— Поглядите, а, вѣдь, тамъ виднѣется Аралыхъ, въ которомъ мы вчера ночевали.

Дѣйствительно, въ бинокль можно было разглядѣть и крыши Аралыха, и маленькую рѣчку Карасу, и дорогу, по которой мы потомъ пробирались черезъ пустыню. Поближе уже совсѣмъ хорошо видны были зеленые склоны, курдскія кочевки, источникъ, мимо котораго мы вчера проходили и, наконецъ, бѣлый четырехугольный Сардаръ-Булагъ, изъ котораго мы сегодня утромъ вышли.

— Отдохнули немного? Идемъ дальше: смотрите, какъ далеко ушли наши курды-носильщики.

Скоро мы догнали курдовъ. Григорій Ивановичъ съ Джонсономъ собирали цвѣты; Коля гонялся за жуками и бабочками; я по пути щелкалъ фотографическимъ аппаратомъ; Николай Александровичъ рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ; казаки шли съ пѣснями; позади всѣхъ тащился, пылъ и отдувался Муръ. Только что я хотѣлъ его сфотографировать, какъ услышалъ позади себя неистовые крики. Я обернулся и увидѣлъ, что курды бѣгутъ въ разныя стороны, бросаютъ ношу, падаютъ, вскакиваютъ и опять бѣгутъ. Среди нихъ прямо на насъ катится съ горы какой то желтобурый клубокъ.

— Это медвѣдь, медвѣдь, стрѣляйте!—кричали казаки. Медвѣдь докатился до зеленой лужайки, вскочилъ на ноги и съ ревомъ топтался на мѣстѣ, въ десяти шагахъ отъ меня.

Стрѣлять нельзя было потому, что пули могли попасть въ людей. Я думалъ, что медвѣдь сейчасъ бросится на меня.

Но, кажется, онъ перепугался нашихъ криковъ, потому что вдругъ прыгнулъ въ сторону, перескочилъ черезъ упавшаго со страху курда и сталъ быстро уходить въ гору.

Казаки начали стрѣльбу, но вѣроятно никто не попалъ. Долго мы потомъ хохотали, вспоминая это приключеніе. Однако больше уже не разбредались по горѣ, а шли всѣ вмѣстѣ.

Скоро трава сдѣлалась рѣже, по пути попадалось все больше и больше камней, подниматься становилось труднѣе. Кое-гдѣ между камнями, въ лощинахъ, куда рѣдко заглядываетъ солнце, стали попадаться пласты снѣга. Съ горъ бѣжало много ручейковъ: это таяла на солнцѣ снѣговая шапка, покрывающая вершину Арарата.

Къ вечеру мы поднялись на ту высоту, гдѣ трава уже не росла; кругомъ насъ были только голые острые черные

камни. (Рис. 12). Мы выбрали подъ одной скалой мѣстечко, съ камнями помельче, и рѣшили расположиться на ночлегъ. Разостлали на камняхъ бурки, шинели и принялись хозяй-

Рис. 12. На Араратъ по обломкамъ лавы.

ничать. Изъ ближайшаго ручейка набрали воды и стали готовить ѣду на спиртовкахъ.

Курды повытаскивали изъ-за пазухи свою провизию — сухіе коржи и сыръ.

Все́ были очень голодны. Григорій Ивановичъ и Коля, кромѣ того, очень устали, такъ какъ не привыкли ходить по горамъ. Поужинавъ, мы начали укладываться. Конечно лежать на камняхъ было очень неудобно. Какъ ни старались мы устроиться поудобнѣе, ничего не выходило: то въ спину

вопьется камень, то подъ локоть подвернется, то въ бокъ колетъ. Становилось холодно, мы вытащили теплыя вещи. Джонсонъ что-то ворчалъ недовольнымъ голосомъ.

— Господинъ Муръ, что говоритъ вашъ товарищъ?

— Онъ говоритъ, что въ Сардаръ - Булагъ, въ казармѣ было гораздо лучше.

— Спите, господа, будьте и тѣмъ довольны: завтра спать будетъ хуже.

— Почему?

— Потому что сегодня мы спимъ на камняхъ, а завтра придется спать на снѣгу.

Но заснуть не удалось. Съ полуночи пошелъ такой дождь съ крупой, что мы вымокли въ нѣсколько минутъ. Со скалы, подъ которой мы пріютились, лили цѣлые потоки. Въ башмакахъ вода, за воротникомъ вода, бурка промокла насквозь; вотъ вода добирается до праваго бока; хочу подвинуться и повернуться на лѣвый, но попадаю руками въ лужу; зубы стучать отъ холода. Курды стонуть, казаки ругаются и укутываютъ ружья.

Спать нельзя, и мы рѣшаемъ пить чай, чтобы согрѣться. Казакъ идетъ съ двумя чайниками къ ручейку.

Тьма кругомъ кромѣшная, казакъ сразу натывается на камень и куда-то летитъ; слышно, какъ гремятъ по камнямъ жестяные чайники. Я съ фонарикомъ иду искать и чайники, и казака.

Наконецъ, согрѣли на спиртовкахъ воду, напились чаю, дали по кружкѣ чаю и курдамъ. Дождь немного утихъ.

Будь свѣтлѣе, можно бы итти дальше, но по прежнему не видно ни зги, и намъ приходится опять ложиться въ лужи и ждать разсвѣта.

Но вотъ уже можно различать окружающія скалы. Мы начинаемъ приводить себя въ порядокъ. Лица у всѣхъ изму-

ченныя, бурки и шинели въ грязи. Понемногу свѣтаетъ. Мы опять принимаемся за чай и ѣду. (Рис. 13). Весь хлѣбъ подмокъ, но разбирать нельзя, и мы ѣдимъ мокрый. Муръ хлопочетъ около жестянокъ съ провизіей.

Рис. 13. Приваль.

Хотѣли покормить и курдовъ нашей провизіей, но курды отворачивались и принимались за свой сыръ. Зато, когда мы выбрасывали прочь пустыя жестянки, у курдовъ изъ-за нихъ начиналась драка.

— Они всегда подбираютъ то, что намъ не нужно: спичечныя коробки, пуговицы, тряпки, жестянки, ржавые гвозди,— говорили казаки.

Позавтракавъ, уложили все на мѣсто и тронулись дальше.

Подъемъ становился круче и круче. Скоро уже пришлось не итти, а карабкаться, работая и руками, и ногами. Склонъ горы состоялъ изъ отдѣльныхъ острыхъ обломковъ: были тамъ и маленькіе, величиной съ дѣтскую голову, и громадныя, съ хорошую комнату; всѣ они просто навалены другъ на друга и едва держатся на мѣстѣ; намъ приходилось пробираться очень осторожно, чтобы камни не двинулись внизъ: чуть не каждый камень надо было пробовать, крѣпокъ ли; и всетаки обломки срывались, ползли, за ними трогались сосѣдніе и вотъ, уже грохочуть обвалы. Бѣднаго Мура, — онъ вѣчно оставался, — чуть не убило, когда изъ-подъ одного казака сорвались три большихъ камня. Пришлось остановиться, выстроиться въ рядъ и подниматься рядомъ; камни по прежнему летѣли внизъ, но уже не могли никого задѣть.

Снѣгу попадалось все больше, и скоро по сторонамъ начались цѣлыя снѣжныя поля.

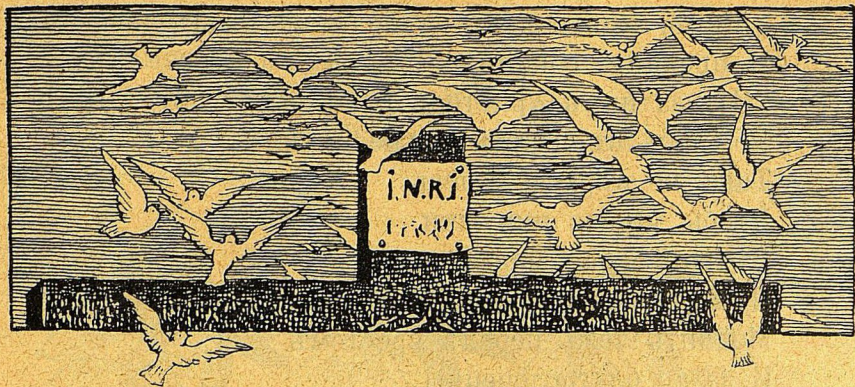
— Будемъ подниматься по снѣгу: тамъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ падающихъ камней, — предложилъ Григорій Ивановичъ.

Но по этимъ крутымъ снѣжнымъ склонамъ могли подниматься только я да Николай Александровичъ: у насъ къ башмакамъ были привязаны особые желѣзные когти. Остальные же не только итти, но и удержаться на твердомъ снѣгу не могли: скользили внизъ и поневолѣ опять выбирались на камни.

Мы были уже очень высоко. Облака неслись надъ самыми нашими головами; казалось, стоять протянуть руку, чтобы ихъ достать. Вершину заволокло тучами, и она скрылась.

Мы поднялись еще немного и сами очутились въ облакѣ; какъ сыро и холодно! Заморосилъ мелкій дождь съ ледяными иголочками, которыя больно кололи лицо; въ туманѣ мы почти перестали видѣть другъ друга и только слышали голоса да грохотъ камней.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оправданіе воробьевъ.

ЕСТЬ жестокое преданье
Про несчастныхъ воробьевъ.
Я его услышала въ дѣтствѣ
И заплакать былъ готовъ.
Говоритъ оно, что птицы
На Голгоѣ собрались
И вокругъ креста въ печали
И летали, и вились.
Та Христу тихонько пѣла
Про спасенье и любовь,
Та—съ чела крыломъ стирала
Застывающую кровь.
И когда жестокий воинъ
„Живъ ли Онъ еще?“ спросилъ.
„Умеръ, умеръ!“ всѣ запѣли,
Чтобъ копье онъ опустилъ.
Воробьи одни лишь громко

„Живъ, живъ, живъ“ твердили „Онъ!“

И преданье обвинило:

„Изъ-за нихъ Христось пронзень.“

Но, какъ въ дѣтствѣ я не вѣрилъ,

Такъ не вѣрю и теперь,

Чтобы милыя пичужки

Въ рай себѣ закрыли дверь.

Нѣтъ, любя, онѣ не смѣли

Молвить ложь передъ крестомъ

И за то благословенны,

А не прокляты Христомъ.

Въ часъ Его послѣдней муки,

„Живъ, живъ, живъ!“ неслась, звеня,

Вѣсть о томъ, что Онъ изъ гроба

Черезъ три возстанетъ дня.

Знаю лучшее сказанье:

Въ день, когда Христось воскресъ,

Птицы вѣсть о Немъ помчали

Въ горы, долъ, поля и лѣсъ.

Но Господь, любя всю землю,

Больше всѣхъ жалѣлъ людей

И сказалъ: „Живи въ селеньяхъ,

Вѣстникъ жизни, воробей.

У богатыхъ, бѣдныхъ—равно

Кормъ свой скудный добывай

И, средь долгой тьмы и стужи,

О веснѣ не забывай.

Всѣмъ страдающимъ, недужнымъ,

Умирающимъ во тьмѣ,

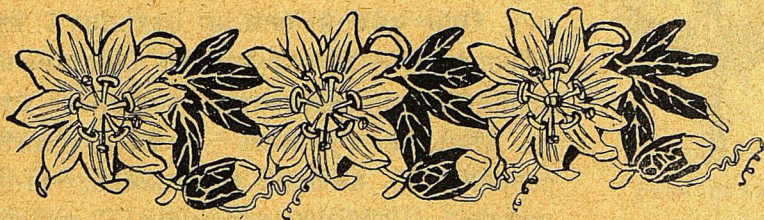
Повторяй о новой жизни

И весну сули зимѣ.

Только солнышко проглянетъ,
Ты, мгновенье улучивъ,
Щебечи, какъ въ часъ Мой смертный
Щебеталь Мнѣ: „Живъ, живъ, живъ!“

Allegro.

Знакомство съ царствомъ растений.

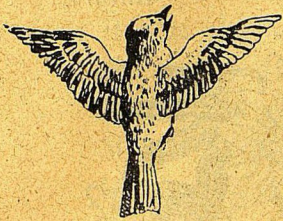
I.

Среди первыхъ цвѣтовъ.

ЗАСИЯЛО весеннее солнце. Скорѣе изъ душныхъ комнатъ въ ближній лѣсъ! Даже на городскихъ улицахъ уже чувствуется весна: воробьи весело чирикаютъ у самаго дома, откуда-то слышится крикъ черныхъ грачей. Въ полѣ, по которому идетъ дорога къ лѣсу, мѣстами въ низинахъ бѣлѣютъ еще пятна снѣга; вдали зеленѣютъ озими. Надъ полемъ звенитъ-заливается жаворонокъ. Онъ то исчезаетъ изъ глазъ въ весеннемъ сіяющемъ воздухѣ, то камнемъ падаетъ внизъ и здѣсь, окрашенный въ цвѣтъ почвы, незамѣтно пропадаетъ изъ глазъ. Онъ началъ уже хлопоты по устройству гнѣзда, которое приютилось здѣсь же, гдѣ-нибудь среди поля.

А вотъ и лѣсъ. Мы идемъ къ нему въ гости, какъ къ будущему другу. Мы хотимъ ближе познакомиться съ нимъ,

узнать его разнообразную таинственную жизнь, и это знание дастъ намъ много новыхъ глубокихъ радостей. Деревья стоятъ почти безлиственные, и, пока они не даютъ еще густой тѣни, на открытыхъ пригоркахъ и склонахъ, подь солнечнымъ припекомъ пріютились первые весенніе цвѣты.

жаворонокъ

Вотъ какое-то красивое цвѣтущее растеніе. Отъ самой земли отходитъ пучекъ нѣжнозеленыхъ крупныхъ листьевъ. Въ серединѣ поднимается зеленый стебель съ цѣлымъ пучкомъ желтыхъ цвѣтовъ, собранныхъ вмѣстѣ зонтикомъ. Это первоцвѣтъ (*Primula officinalis*), названный такъ потому, что онъ расцвѣтаетъ весной однимъ изъ первыхъ. А вотъ растеніе съ красивыми, сильно разсѣченными листьями и однимъ крупнымъ бѣлымъ цвѣткомъ; это вѣтреница (*Anemone silvestris*), названная такъ потому, что ея нѣжный цвѣтокъ сильно колышется при всякомъ дуновеніи вѣтра. Въ самомъ лѣсу намъ бросается въ глаза оригинальное растеніе съ разноцвѣтными цвѣтами, то синими, то лиловыми, то розовыми; это медуница (*Pulmonaria officinalis*), получившая свое названіе, видимо, потому, что цвѣты ея очень сладки (какъ медъ). Кромѣ этихъ цвѣтушихъ растеній, встрѣчаются еще кое-какія зеленыя травки, пока еще не имѣющія цвѣтовъ. Мы теперь не будемъ останавливать на нихъ нашего вниманія, а познакомимся поближе съ тѣми изъ зеленыхъ вѣстниковъ весны, которые привлекли насъ своими яркими, красивыми нарядами.

Подь веселыя трели зяблика, красивой маленькой птички, которая перелетаетъ надъ нами съ вѣтки на вѣтку, мы начинаемъ разсматривать наши первыя цвѣтушія растенія. Передъ нами цѣлый рядъ вопросовъ, которые должны разрѣшить намъ

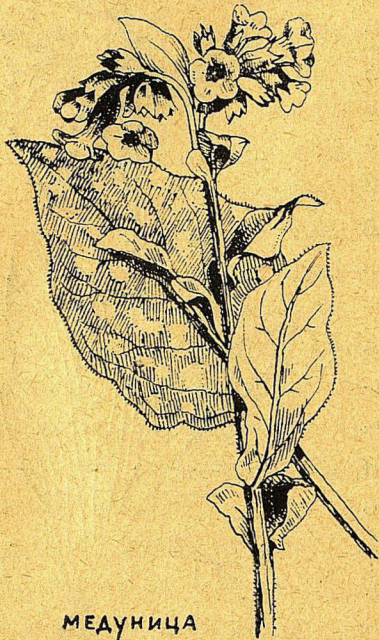
эти первые зеленые друзья. Во-первых, почему они такъ рано могли не только распуścić свои зеленые листочки, но даже и украсить себя красивыми, разноцвѣтными цвѣтами? Вѣдь не могли же они въ такое короткое время вырасти изъ сѣмянъ?

Для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ, очевидно, нужно посмотрѣть, что находится въ землѣ у этихъ растений. Для этого мы осторожно, при помощи ножа или острой палочки, выкапываемъ вмѣстѣ съ землей по одному экземпляру изъ найденныхъ нами растений; и, осторожно очистивши руками землю отъ подземныхъ частей растений, начинаемъ внимательно ихъ разсматривать. Оказывается, и у первоцвѣта, и у вѣтреницы, и у медуницы очень много мелкихъ корешковъ прикрѣплено къ толстому подземному стеблю, который на первый взглядъ походить на корень и своей окраской и, пожалуй, еще тѣмъ, что находится въ землѣ; поэтому его и называютъ корневищемъ. Однако, что это стебель, а не корень—ясно уже изъ того, что корень, какъ всѣ мы знаемъ, растетъ своей верхушкой въ землю, а этотъ, какъ мы видимъ, поднимается изъ земли кверху, къ свѣту. Здѣсь онъ обычнаго для травъ зеленаго цвѣта и несетъ на себѣ листья и даже цвѣты, между тѣмъ какъ отъ корня никогда не образуется ни стеблей, ни листьевъ, ни цвѣтовъ. Затѣмъ, если внима-

Первоцвѣтъ.

тельно всмотрѣться въ это корневище, то на поверхности его мы замѣчаемъ буро-краснаго цвѣта чешуйки — видоизмѣненные листья. Кроме того, на этомъ корневищѣ мѣстами замѣчаются почки, а подъ ними значительныя возвышенія. Что же это

МЕДУНИЦА

значить? Да вѣроятно, наши растенія многолѣтнія, и въ этихъ утолщеніяхъ подъ почками прошлогоднее растеніе заботливо отложило запасы пищи для будущихъ побѣговъ, которые могутъ развиваться изъ почекъ. Чтобы убѣдиться въ вѣрности нашего предположенія и для того, чтобы все это намъ было понятно, мы рассмотримъ хорошенько самую почку. Если у нашихъ растеній онѣ очень малы, мы можемъ сколько угодно ихъ найти на деревьяхъ; вѣдь, все мы знаемъ, что и изъ такихъ почекъ выходятъ каждый годъ новыя вѣтки. Мы беремъ нѣсколько почекъ и начинаемъ ихъ внимательно разма-

тривать. Мы видимъ, что сверху почка плотно прикрыта чешуйками, которыя еще смазаны какимъ-то клейкимъ веществомъ, прилипающимъ къ нашимъ рукамъ. Это смола, которая плотно заклеиваетъ пространства между чешуйками, для того, чтобы уберечь отъ холода и высыханія то, что находится подъ ними, внутри почки. А для того, чтобы хорошенько рассмотреть то, что тамъ находится, мы осторожно раскрываемъ почку пальцами. Тогда мы увидимъ, что подъ чешуйками находится множество маленькихъ мясистыхъ листиковъ, тѣсно

прилегающихъ одинъ къ другому и прикрѣпленныхъ внизу почки къ маленькому стебельку. Если нельзя ясно разсмотрѣть всего этого простымъ глазомъ, мы можемъ воспользоваться лупой; это круглое, выпуклое съ обѣихъ сторонъ стекло, заключенное въ оправу; оно имѣетъ свойство увеличивать предметы, если мы черезъ него будемъ ихъ близко разсматривать. Посмотрите черезъ эту лупу на раскрытую пальцемъ почку: та же картина ея будетъ видна въ значительно увеличенномъ видѣ, а потому гораздо яснѣе. Въ нѣкоторыхъ почкахъ, вмѣсто листиковъ, мы находимъ тѣсно сложенные молодые части цвѣтка; это, видимо, цвѣточные почки или бутоны. И такъ, разсмотрѣвши внимательно корневища и почки, мы уже имѣемъ передъ собою отвѣтъ на нашъ первый вопросъ. Очевидно, наши первыя растенія такъ рано могли развиваться потому, что съ прошлаго года такіе же маленькіе побѣги накопили себѣ настолько большіе запасы пищи, что могли ими подѣлиться и со своими будущими дѣтьми, которыхъ мы теперь видимъ. Эти запасы были заботливо отложены въ подземныхъ корневищахъ и почкахъ, и все это подъ покровомъ чешуекъ, смазанныхъ смолой, было укрыто отъ зимней стужи подъ снѣгомъ. Теперь же, весной, какъ только стаялъ снѣгъ, въ весенней влагѣ распустилась запасенная въ корневищахъ пища, а солнце растопило душистую смолу на почкахъ; молодые ростки, имѣя все готовое, могли быстро выбраться на свѣтъ и распустить свои листики и цвѣты. Торопиться жить имъ приходится потому, что какъ только лѣсъ одѣнется листвою, на ихъ долю слишкомъ мало будетъ выпадать необходимаго имъ солнечнаго свѣта; а нужно, вѣдь, не только устроить свою личную жизнь, но еще позаботиться и о будущихъ дѣтяхъ. Какъ же все это дѣлается, и какъ обо всемъ этомъ можно узнать? А вотъ сейчасъ, разсматривая внима-

тельно нашихъ первыхъ маленькихъ зеленыхъ живыхъ существъ, мы въ нихъ же самихъ и нашли отвѣтъ на первый напросившійся намъ самъ собою вопросъ. Значить, мы сможемъ вѣроятно и другіе, интересующіе насъ вопросы разрѣшить приблизительно тѣмъ же путемъ наблюденій среди самой природы. Однако на сегодня довольно. Воздухъ еще недостаточно нагрѣлся для того, чтобы можно было очень долго вести бесѣды съ нашими милыми зелеными друзьями. При первой возможности, въ ближайшіе дни, мы опять постараемся попасть въ этотъ лѣсъ; къ тому времени, навѣрное, и эти наши первые цвѣты не успѣютъ еще отцвѣсть, да кромѣ того, вѣроятно, и еще что-нибудь новое и интересное прибавится въ природѣ.

II.

Опять къ нашимъ зеленымъ друзьямъ.

Мы опять въ лѣсу. Какой сильный свѣжій запахъ отъ распускающихся почекъ березъ! Для насъ понятенъ теперь этотъ чудесный запахъ: это солнце растопляетъ смолу на чешуйкахъ почекъ, причемъ въ воздухъ выдѣляются пахучія эфирныя масла. А подъ ногами у насъ сколько травъ и цвѣтовъ! Мы начинаемъ всматриваться въ группы цвѣтущихъ растений и съ радостью замѣчаемъ среди нихъ нашихъ первыхъ знакомцевъ: вонъ вѣтреница киваетъ намъ своей бѣлоснѣжной головкой, а вонъ и желтый первоцвѣтъ и розово-лиловая медуница. Теперь наше вниманіе всего больше привлекаютъ самые цвѣты. Почему у нихъ такая яркая окраска и почему иные изъ нихъ оказываются очень сладкими на вкусъ? Почему они такъ пахнутъ? Для чего все это нужно?

Мы уже знаемъ, что отвѣты на эти вопросы мы можемъ

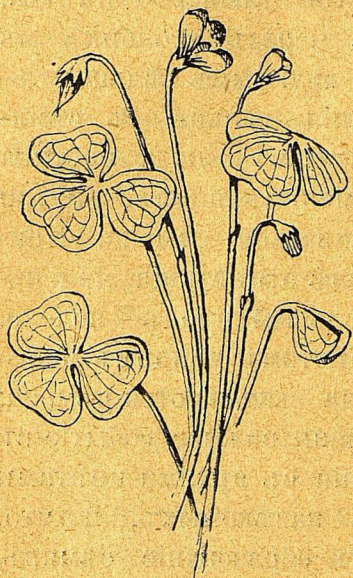
получить здѣсь же, при наблюденіи надъ самими цвѣтами. Разсмотримъ внимательно цвѣты хотя бы желтаго первоцвѣта. Лишь только мы наклонились къ нимъ, какъ вдругъ изъ одного цвѣтка вылетѣлъ шмель. Покружился, погудѣлъ и опять забрался вглубь цвѣтка одного изъ сосѣднихъ первоцвѣтовъ. Очевидно, онъ ищетъ здѣсь что-то. Ужъ не забирается ли онъ внутрь цвѣтка за сладкимъ сокомъ и не узнаетъ ли про то, гдѣ этотъ сокъ по яркой окраскѣ и запаху цвѣтка? И почему эти растенія такъ гостепріимно принимаютъ шмелей? Интересно бы разобраться въ этой дружбѣ цвѣтовъ и насѣкомыхъ. Для этого, конечно, нужно прежде всего рассмотреть, какъ устроены эти цвѣты. Мы начинаемъ внимательно всматриваться въ отдѣльный цвѣтокъ первоцвѣта, и замѣчаемъ, что онъ вовсе не такъ просто устроенъ, какъ это намъ казалось на первый взглядъ. Снизу имѣется зеленая, пятизубчатая трубочка, очень похожая на сросшіеся листья,—это такъ называемая чашечка; она окружаетъ собою ту ярко-желтую часть цвѣтка, которая своей яркой окраской, а иногда и формой, больше всего привлекаетъ наше вниманіе; это—вѣнчикъ. Здѣсь онъ состоитъ изъ длинной трубки, которая наверху тоже имѣетъ пять зубчиковъ. Внутри этого вѣнчика мы замѣчаемъ пять какихъ-то маленькихъ желтыхъ шариковъ съ углубленіями посрединѣ, которые на короткихъ ножкахъ прикрѣплены къ вѣнчику. Мы дотрогиваемся до нихъ руками и замѣчаемъ при этомъ, что наши пальцы покрылись какой-то желтой пылью. Это, такъ называемая, тычинки. Верхняя часть ихъ—шарики или мѣшечки, наполненные пылью, называются пыльниками, а нижняя, узкая (здѣсь очень маленькая)—нитью. Внутри всего цвѣтка замѣчается еще какая-то его часть, по формѣ напоминающая графинчикъ съ длиннымъ, узкимъ горлышкомъ,—это пестикъ или плодникъ. Верхняя,

расширенная, слегка липкая часть этого пестика называется рыльцемъ, средняя, сѣуженная—столбикомъ, а нижняя, шарообразная—завязью. Все это мы можемъ яснѣе разсмотрѣть въ лупу. Вотъ какое сложное строеніе имѣетъ нашъ цвѣтокъ. Мы запоминаемъ всѣ его части и ихъ расположеніе. Разсматривая сосѣдніе цвѣты первоцвѣта, мы замѣчаемъ, что въ одномъ изъ нихъ пестикъ поднимается очень высоко, а тычинки, наоборотъ, прикрѣплены къ вѣнчику значительно ниже. Здѣсь же мы замѣчаемъ и отцвѣтшіе цвѣты первоцвѣта, въ которыхъ вѣнчика и тычинокъ нѣтъ, а осталась только чашечка и пестикъ съ сильно разросшейся завязью. Наконецъ, на нѣкоторыхъ растеніяхъ замѣчаемъ и бутоны—цвѣточные почки. Разсматривая одинъ изъ такихъ бутоновъ, мы видимъ, что это тотъ же цвѣтокъ, но только съ плотно сложенными частями. Сверху находится зеленая чашечка, за ней идетъ желтый вѣнчикъ, а внутри спрятаны тычинки и пестикъ. Это наблюденіе наводитъ насъ на мысль, что самыми важными частями цвѣтка являются тѣ, незамѣтные для насъ на первый взглядъ, тычинки и пестики, которые такъ старательно закрыты сначала вѣнчикомъ, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ и чашечкой. Вѣнчикъ и чашечка слѣдовательно являются главнымъ образомъ покровами цвѣтка, причемъ чашечка только защищаетъ всѣ другія части цвѣтка, вѣнчикъ же кромѣ того, благодаря своей окраскѣ и аромату, служить, видимо, своего рода вывѣской, приманкой для шмелей и другихъ насѣкомыхъ, которыя могутъ найти здѣсь себѣ угощеніе въ видѣ сладкаго сока, или нектара, который выдѣляется въ глубинѣ цвѣтка. По дорогѣ къ этому нектарнику, шмель непременно задѣваетъ за тычинки, пыльца которыхъ прилипаетъ къ его спинѣ, или крылышкамъ; перелетая на другой такой же цвѣтокъ первоцвѣта, по дорогѣ къ нектарнику, онъ

задѣнетъ за выдающійся пестикъ, и его липкое рыльце соберетъ пыльцу. А это только и нужно растенію, потому что такимъ путемъ происходитъ очень важное событіе въ ихъ жизни—перекрестное опыленіе, то-есть переносъ пыльцы съ тычинокъ одного цвѣтка въ пестикъ другого такого же цвѣтка; отъ рыльца пестика пыльца перейдетъ черезъ столбикъ въ завязь и сольется тамъ съ маленькимъ круглымъ тѣльцемъ—сѣмяпочкой: вотъ тогда-то, послѣ сліянія пыльцы съ сѣмяпочкой, цвѣтокъ начинаетъ вянуть, и только завязь пестика сильно разрастается и образуетъ современемъ плодъ, внутри котораго изъ сѣмяпочекъ будутъ развиваться сѣмена. Припомнимъ, какъ изъ цвѣтка яблони, послѣ отцвѣтанія, маленькая, круглая завязь разрастается въ большой плодъ—яблоко, внутри котораго находятся сѣмена. Мы потомъ увидимъ много разныхъ плодовъ и узнаемъ, какъ оттуда высыпаются сѣмена; теперь же мы всетаки постигли уже очень важное событіе въ жизни растеній: мы знаемъ, что растенія съ яркими цвѣтами (вѣнчикомъ) опыляются посредствомъ насѣкомыхъ, и что, благодаря этому опыленію, происходитъ образованіе сѣмянъ, а изъ нихъ, какъ мы всѣ знаемъ, могутъ вырасти такія же новыя растенія, то-есть при помощи сѣмянъ растеніе можетъ размножаться. Интересно только остановиться еще на одной подробности: почему это важно, чтобы пыльца съ тычинокъ попала на рыльце другого такого же цвѣтка, а не этого же самаго (у первоцвѣта это даже и совсѣмъ невозможно, благодаря особымъ приспособленіямъ въ цвѣткѣ, которыя мы уже замѣтили)? А вотъ, что оказывается: продолжительный опытъ доказалъ, что если пыльца попадаетъ на рыльце того же самаго цвѣтка, то сѣмянъ развивается немного, и выросшія изъ нихъ растенія бываютъ слабыя, не жизнеспособныя; если же пыльца одного растенія переносится на рыльце другого

такого же, то сѣмянъ развивается много, и выросшія изъ нихъ растенія оказываются сильными и здоровыми. Поэтому - то самоопыленіе и избѣгается растеніями, а для перекрестнаго опыленія, наоборотъ, наблюдается пѣлый рядъ очень инте-

Кисличка.

ресныхъ приспособленій, вродѣ тѣхъ, которыя мы видѣли у первоцвѣта. Теперь мы уже будемъ различать цвѣты не только по ихъ окраскѣ, но и по строенію. Посмотримъ теперь на другія цвѣтушія растенія. Вотъ знакомая намъ бѣлая вѣтреница; оказывается, цвѣтокъ у нея устроенъ совсѣмъ не такъ, какъ у первоцвѣта: зеленой чашечки нѣтъ совсѣмъ, бѣлаго цвѣта вѣнчикъ состоитъ изъ шести лепестковъ, очень много тычинокъ на длинныхъ нитяхъ и много мелкихъ пестиковъ. А вотъ и медуница со своими разноцвѣтными цвѣтами; отдѣльные цвѣты ея нѣсколько напоминаютъ намъ цвѣтокъ первоцвѣта: та же чашечка изъ пяти сросшихся листиковъ, трубчатый вѣнчикъ съ пятью зубчиками, пять тычинокъ неравной величины на болѣе длинныхъ нитяхъ и одинъ пестикъ. Очень интересны здѣсь переходы въ окраскѣ цвѣтовъ: болѣе молодые изъ нихъ розоваго цвѣта, затѣмъ малиноваго, фіолетоваго и, наконецъ, болѣе старыя—голубого или синяго; для насъ теперь понятно, что это очень хорошее приспособленіе растенія къ тому, чтобы быть болѣе замѣтнымъ для насѣкомыхъ. Стебли и листья, медуницы покрыты волосками, которые хорошо защищаютъ ее отъ на-

паденія такихъ животныхъ, какъ слизняки или улитки и прочія.

Однако мы нѣсколько увлеклись бесѣдой съ нашими зелеными друзьями. Пора уже двигаться домой.

Мы спускаемся отъ опушки лѣса къ маленькой лощинѣ, гдѣ еще очень сыро; хотимъ миновать ее, чтобы выбраться на дорогу, но здѣсь наше вниманіе останавливаютъ еще какіе-то то бѣленькіе, то розовые цвѣточки съ красивыми тройными листиками,—это кисличка (*Oxalis acetosella*). Однако довольно, довольно! Скорѣе домой, а то можно цѣлый день провести незамѣтно здѣсь, среди этихъ милыхъ первыхъ цвѣтовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чарльзъ Диккенсъ.

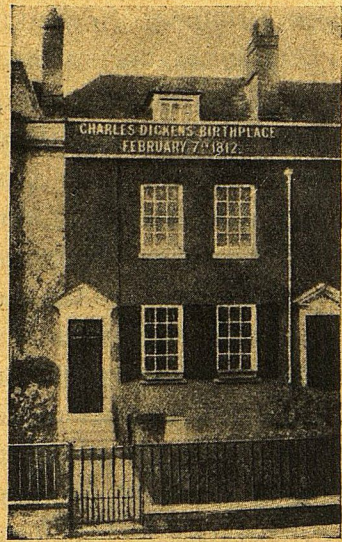
РАЗСКАЗЫВАТЬ о жизни Чарльза Диккенса—это рассказывать сказку о томъ, какъ несчастный маленькій оборвышъ сдѣлался королемъ.

Началась эта сказка въ Портсмутѣ, небольшомъ англійскомъ городѣ на берегу моря, недалеко отъ Лондона.

7-го февраля 1812 г. родился у бѣдняковъ ребенокъ.

Взглянули на него отецъ съ матерью, и грустно имъ стало, что онъ такой маленькій и слабый.

А близкіе и разныя кумушки качали головами и вслухъ говорили, что маленькій Чарльзъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Домъ, гдѣ родился Диккенсъ.

Но ребенокъ выжилъ.

Крѣпышемъ онъ не сдѣлался, росъ худенькимъ и блѣднымъ и, вѣроятно, благодаря своей слабости, болѣе тихимъ и дикимъ, чѣмъ другіе мальчики его лѣтъ. Сверстниковъ онъ сторонился и цѣлыми днями, когда позволяла погода, игралъ въ крошечномъ садикѣ возлѣ дома. Игры у него были особенныя, онъ ихъ самъ себѣ сочинялъ. Колючій бурьянъ, глушившій другую траву, представлялся ему вражескимъ полкомъ, и онъ разилъ его палкой, освобождая другія заглушенные имъ растенія. Чарльзъ любилъ наблюдать за насекомыми и птицами. Иногда подолгу лежалъ онъ въ травѣ, лежалъ, не шевелясь, смотрѣлъ и слушалъ.

Такъ прожилъ онъ до шести лѣтъ, когда отца его перевели поближе къ Лондону.

Тяжело было Чарльзу разставаться съ тихимъ милымъ садикомъ. Возлѣ дома, гдѣ поселились Диккенсы, тоже былъ садикъ. Но какой! Глубокій темный колодець, сдавленный съ четырехъ сторонъ каменными стѣнками, а на днѣ колодца ломанныя корзины, битыя бутылки, старая солома и разный мусоръ. Даже трава не пробивалась въ этомъ садикѣ, и росло въ немъ всего одно искривленное полузасохшее дерево.

Въ концѣ весны, когда въ другихъ мѣстахъ все уже цвѣло, оно, собравшись, наконецъ, съ силами, выпускало на Божій свѣтъ нѣсколько блѣдно-зеленыхъ листочковъ, но они быстро погибали отъ недостатка свѣта, отъ копоти и сажи изъ сосѣднихъ фабричныхъ трубъ.

Въ такомъ садикѣ, конечно, смотрѣть было не на что.

Но въ квартирѣ у Диккенсовъ было еще хуже.

Весь домъ былъ биткомъ набитъ бѣднотой. Диккенсы занимали всего одну комнату. Чѣмъ ближе къ Лондону, тѣмъ жизнь стоитъ дороже. На чиновничье жалованье, котораго

хватало въ небольшомъ городѣ, здѣсь семьѣ пришлось жить въ тѣснотѣ и впроголодь. Но отецъ съ матерью у Чарльза были довольно безпечные. Вокругъ нихъ вѣчно толпились люди, было шумно и суетливо.

Они не особенно печалились о томъ, что Чарльзъ, вмѣсто того, чтобы ходить въ школу, бѣгаетъ на побѣгушкахъ, няньчить братишекъ и сестренку Фанни, свою любимицу. Чарльзъ въ это время уже хорошо читалъ и полюбилъ чтеніе. Любимыми его книгами сдѣлались: „Робинзонъ Крузо“, „Донъ-Кихотъ“ и „Тысяча и одна ночь“. Чтобы читать безъ помѣхи, онъ уходилъ въ хорошую погоду въ садикъ, а въ ненастье прятался на чердакъ. Здѣсь, усѣвшись на трехногую продавленную кровать, онъ забывалъ и нищету, и все, что окружало его въ жизни.

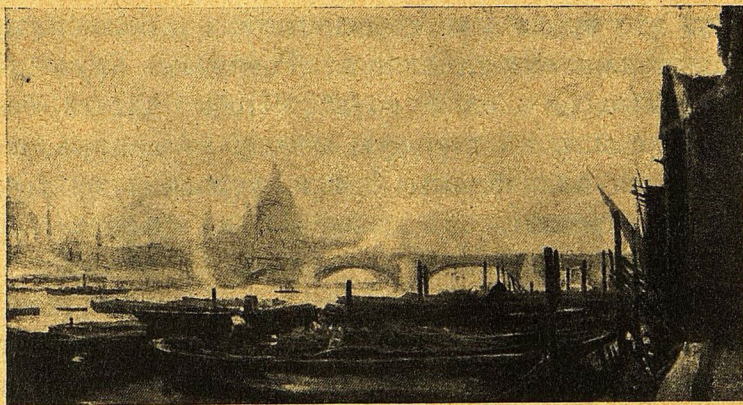
Въ украшенной коврами лодкѣ плавалъ онъ по Ефрату, пировалъ въ роскошныхъ дворцахъ, темною ночью блуждалъ съ султаномъ, переодѣтымъ въ простое платье, по константинопольскимъ улицамъ, прислушиваясь къ жалобамъ обиженныхъ и нищихъ, чтобы даровать правосудіе и благоденствіе странѣ. Арабскія сказки такъ увлекли мальчика, что онъ, въ подражаніе имъ, сталъ самъ писать пьесу: „Миснаръ султанъ Индійскій“. Изъ этой пьесы, конечно, ничего не вышло. Чарльзъ былъ еще слишкомъ малъ и необразованъ.

Наконецъ, его легкомысленные родители опомнились и отдали его въ школу. Школы для бѣдняковъ въ Англіи въ то время были очень плохи. И учили въ нихъ нехорошо, и съ учениками обращались дурно. За каждую провинность били плетью. Слабый мальчикъ здѣсь притихъ еще больше. Ему даже въ голову не приходило играть съ товарищами. Онъ держался отъ нихъ въ сторонѣ и только учился изо всѣхъ силъ. Но кончить школу ему не удалось.

Отца опять перевели и, на этотъ разъ, уже въ самый Лондонъ.

Жизнь съ этимъ переѣздомъ пошла еще хуже.

Диккенсъ-отецъ окончательно разочаровался въ своей должности и рѣшилъ приняться за другое занятіе. Онъ захотѣлъ попробовать работать въ редакціяхъ газетъ.

Видъ Лондона. Картина извѣстнаго французскаго художника Шарля Франсуа Добиньи.

У жены же его, какъ разъ въ это время, явилась великолѣпная мысль: открыть школу для пріѣзжихъ изъ Остъ-Индіи дѣтей. Супруги Диккенсы были люди увлекающіеся. Имъ удалось достать денегъ въ долгъ, они наняли помѣщеніе, прибили къ дверямъ мѣдную дощечку съ надписью: „Школа“ и отправили Чарльза разносить по городу объявленія о новомъ блестящемъ учебномъ заведеніи. Чарльзь бѣгалъ до изнеможенія, разсовывая объявленія всѣмъ встрѣчнымъ, родители уже мечтали, какъ они разбогатѣютъ, но почему-то никому изъ остъ-индскихъ родителей не приходило въ голову помѣстить своего ребенка въ учебное заведеніе

Диккенсовъ. Вмѣсто учениковъ, явились кредиторы. Они требовали, чтобы имъ вернули занятыя деньги, кричали, бранились, грозили судомъ и тюрьмой. Диккенсы-родители приходили въ отчаяніе, закладывали, продавали послѣднія вещи, умоляли родныхъ о помощи. И каждый разъ, когда имъ удавалось извернуться, они сразу ободрялись и принимались строить новые блестящіе планы. И Чарльзъ вмѣстѣ съ ними то отчаявался, то надѣялся, голодалъ, ходилъ въ лохмотьяхъ и трепеталъ передъ кредиторами. Но, благодаря своей болѣе глубокой натурѣ, чувствовалъ онъ это все глубже, чѣмъ его родители, и не былъ такъ отходчивъ, какъ они.

А дѣла Диккенсовъ съ каждымъ днемъ шли все хуже и хуже.

Въ домѣ все было продано, даже любимыя книги Чарльза перешли къ букинисту. Родные больше не помогали. Диккенсы всѣмъ надоѣли. И вотъ наступилъ страшный день: Диккенса-отца посадили въ тюрьму за долги.

Въ тѣ времена кредиторы часто засаживали своихъ должниковъ въ тюрьмы и держали ихъ обыкновенно тамъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь, сжалившись, не уплачивалъ долга.

Такимъ образомъ случалось, что въ тюрьму сажали молодого человѣка, а выходилъ онъ оттуда уже сѣдымъ старикомъ.

— Солнце закатилось для меня навѣки!—сказалъ Диккенсъ-отецъ рыдавшей женѣ и сыну, когда его повели въ тюрьму.

Чарльзъ думалъ, что у него разорвется сердце отъ ужаса и жалости. Диккенсъ - мать долго лежала безъ чувствъ на полу холодной и пустой комнаты. Когда она очнулась, жалостливыя сосѣдки своими ахами и охами не дали ей

сосредоточиться на ея горѣ, и къ вечеру она снова вѣрила въ то, что все уладится, и ихъ ждуть лучшія времена.

А Диккенсъ - отецъ въ этотъ же вечеръ игралъ въ кегли со своими новыми тюремными товарищами. Но блѣдный, худой мальчикъ не приходилъ въ себя такъ легко. Въ ухахъ его все раздавались слова: „Солнце закатилось для меня навѣки!“ Чарльзу представлялся каменный тюремный дворъ и камеры - клѣтки, куда запираютъ людей, точно дикихъ звѣрей.

Нѣкоторое время мать съ дѣтьми оставалась еще у себя въ комнатѣ, гдѣ уже ничего не было, кромѣ одной кровати. Сосѣди и знакомые изъ жалости кормили ихъ. По воскресеньямъ вся семья ходила навѣщать отца. Но вотъ подошла осень. Чтобы не замерзнуть и не умереть съ голоду, мать съ младшими дѣтьми перебралась въ тюрьму къ мужу. Чарльза удалось къ этому времени опредѣлить на фабрику ваксы, и ему наняли уголъ у одной старушки, недалеко отъ этой фабрики. Домъ, гдѣ помѣщалась фабрика, былъ очень ветхій, насквозь прогнившій, съ огромными щелями. Онъ кишѣлъ крысами. Чарльза въ первые дни, пока онъ не пріучился къ работѣ, держали въ отдѣльной каморкѣ, гдѣ одинъ изъ рабочихъ-мальчиковъ показывалъ, что и какъ ему нужно дѣлать. Дѣло было немудреное. Нужно было накрыть отверстие банки съ ваксой двумя бумажными крышками, одной бѣлой промасленной, другой синей, все это крѣпко затянуть веревочкой, завязать и потомъ налѣпить ярлычекъ. Заниматься этимъ цѣлый день подъ несмолкаемый крысиный пискъ, конечно, было не весело, но всего ужаснѣе была для Чарльза мысль, что „теперь все для него кончено“, что теперь нѣтъ никакой надежды попасть въ школу, учиться, сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Мальчикъ первые дни только дро-

жалъ и всхлипывалъ, въ такомъ онъ былъ отчаяніи. Когда же немного успокоился, его перевели въ общую мастерскую. Здѣсь крысиный визгъ и возня были меньше слышны. Ихъ заглушали голоса грубыхъ оборванныхъ мальчишекъ-рабочихъ, съ нездоровыми и блѣдными, какъ картошки, лицами. Обѣдъ рабочіе - мальчики сами себѣ промышляли. Хозяинъ платилъ имъ только небольшое жалованье, котораго хватало на кусокъ хлѣба съ сыромъ или на ломоть пудинга. Но и пудингъ приходилось выбирать. Вкуснаго, хорошо выпеченнаго, съ изюмомъ—братъ было нельзя: его давали гораздо меньше, чѣмъ другого, плохо пропеченнаго, насквозь пропитаннаго саломъ и безъ всякаго изюма. Чарльзъ иногда это забывалъ, увлекался видомъ изюма и оставался голоднымъ. Кромѣ того, нерѣдко по утрамъ, когда онъ шелъ на работу, его соблазняли выставленныя на продажу по удешевленной цѣнѣ старыя пирожныя. Чарльзу было только десять лѣтъ, и ему трудно было сразу справиться со своей самостоятельностью, рассчитывать, соображать. Чтобы облегчить себя, онъ придумалъ прекрасное средство. Жалованье, которое ему давали въ субботу, онъ дѣлилъ на шесть равныхъ частей, заворачивалъ каждую часть въ бумагу и теперь уже по крайней мѣрѣ зналъ, на что идетъ, когда не удерживался и соблажнялся пирожными [или крупнымъ изюмомъ въ пудингѣ.

На чай мальчикамъ полагалось полчаса. Но чай, какъ и обѣдъ, надо было промышлять самимъ.

Большую часть Чарльзъ замѣнялъ этотъ напитокъ водой изъ сосѣдней водокачки. Это было гораздо скорѣе, а главное дешевле. Отъ водокачки Чарльзъ любилъ пробѣжаться на цвѣточный и фруктовый рынокъ, полюбоваться цвѣтами и фруктами. Особенно его привлекали ананасы. Онъ зналъ навѣр-

ное, что ужь ихъ то никогда не попробуетъ, но они всетаки манили его.

Мечталъ Чарльзъ съѣсть хоть одинъ разъ настоящій горячій обѣдъ въ настоящемъ ресторанѣ. Долго онъ рассчитывалъ, соображалъ, урѣзывалъ свои обѣденныя порціи, пока, наконецъ, не накопилъ на обѣдъ. Захвативъ съ собой хлѣба— за хлѣбъ въ ресторанѣ брали отдѣльно — онъ вошелъ въ давно присмотрѣнный имъ ресторанъ и спросилъ себѣ бифштексъ. Угостившись на славу, онъ даже хотѣлъ, какъ настоящій посѣтитель, сунуть на чай лакею, но страшно обрадовался, когда тотъ отказался отъ монетки, предложенной ему маленькимъ оборвышемъ.

Вечерами, послѣ работы, Чарльзъ возвращался къ себѣ на квартиру. Душная, биткомъ набитая жалкими и грубыми бѣдняками, комната мало привлекала мальчика, и онъ, если позволяла погода, бродилъ по улицамъ, пока его носили ноги. Кончилось тѣмъ, что онъ каждый день по два раза сталъ уходить въ тюрьму. Приходилъ утромъ передъ работой и вечеромъ послѣ работы. Здѣсь его кормили, здѣсь онъ игралъ со своей любимицей - Фанни. Тюрьма попрежнему казалась ужасной мальчику, ужасными казались ему и люди, въ ней жившіе, но самымъ ужаснымъ было то, что мальчикъ уже не отдѣлялъ себя отъ этихъ несчастныхъ людей и пересталъ надѣяться на лучшую долю. Ни о какомъ ученьи онъ уже не мечталъ. Воришки и разные бродяжки были теперь его обществомъ. Насколько все это было мучительно для Чарльза, видно изъ того, что онъ отъ своихъ товарищей по работѣ всячески скрывалъ, что тюрьма—его настоящій домъ. Какъ-то на работѣ онъ расхворался, и хозяинъ послалъ одного изъ мальчиковъ проводить его домой. Въ это время Чарльзъ уже жилъ съ родителями и позволить привести

себя въ тюрьму онъ не могъ. Слишкомъ стыдился этого. И вотъ, полубольной, едва держась на ногахъ, онъ пускается на разныя хитрости, чтобы отдѣлаться отъ своего провожатаго: ходитъ съ нимъ изъ улицы въ улицу и, наконецъ, доведенный до полнаго отчаянiя, звонитъ у какихъ-то дверей, сказавъ мальчику, что онъ живетъ именно въ этомъ домѣ. Хорошо, что провожатый самъ радъ былъ отдѣлаться отъ Чарльза и пустился со всѣхъ ногъ по улицѣ, не дожидаясь, пока откроютъ дверь.

Судьба сжалилась надъ Чарльзомъ. Родные, наконецъ, сложились и выкупили Диккенса-отца изъ тюрьмы, а тутъ, кстати, онъ еще получилъ и маленькое наслѣдство. Диккенсамъ всегда довольно было самаго ничтожнаго повода, чтобы, обрадовавшись, вознаградить себя нѣсколькими веселыми днями за всѣ перенесенныя испытанiя и лишенiя. Ужъ такiе они были отходчивые люди. Весело принялись они устраиваться, розыскали старыхъ знакомыхъ, завели новыхъ, сами ходили въ гости и принимали гостей. А Чарльзъ все бѣгалъ на свою фабрику. И никому въ голову не приходило отдать его поскорѣй въ школу. Хорошо, что его хозяину пришла въ голову блестящая мысль посадить работать у окошка красиваго бѣлокурага и притомъ аккуратнаго и прилежнаго подмастерья. Это возмутило Диккенса-отца:

— Работать на виду у всѣхъ! Работать такъ, чтобы каждый прохожій зналъ, что мой сынъ наклеиваетъ ярлычки на ваку! — нѣтъ, никогда. И, разбранившись съ хозяиномъ, отецъ больше не пустилъ сына на фабрику.

Чарльзъ нашель, что это удобный случай поговорить о школѣ. Отецъ сразу увлекся мыслью сдѣлать, наконецъ, изъ сына образованнаго человѣка, но мать согласилась не сразу. Она спорила, доказывала, что Чарльзу довольно и

одной грамоты, что онъ и такъ уже стоитъ на своихъ ногахъ.

Къ счастью, Чарльзу всетаки удалось уговорить отца, и тотъ отдалъ его въ школу.

Многаго, конечно, эта школа не могла дать умному и не по лѣтамъ развитому мальчику. Кромѣ зубрежки и скуки, въ старыхъ англійскихъ школахъ почти ничего не было. Но, сравнительно съ работой на фабрикѣ ваксы, Чарльзъ и въ такой школѣ чувствовалъ себя счастливымъ.

Ученики придумывали себѣ всяческія развлечения: разводили въ партахъ бѣлыхъ мышей, упражнялись въ разговорѣ на изобрѣтенномъ ими самими языкѣ. Этотъ языкъ составлялся такъ: въ обыкновенные слоги англійскихъ словъ вставлялся придуманный лишній слогъ. Получалось, такимъ образомъ, странное слово, понятное только посвященнымъ въ тайну. Школьники съ особеннымъ увлеченіемъ практиковались въ новомъ языкѣ на улицѣ: ихъ забавляло, что прохожіе принимали ихъ за иностранцевъ.

Въ школѣ Чарльзъ ободрился, повеселѣлъ и учился всему, чему тамъ учили, чтобы поскорѣе выбиться на дорогу.

Но отецъ не далъ ему кончить курса. Онъ опять запутался въ денежныхъ дѣлахъ и убѣдилъ сына поступить писцомъ въ контору.

Трудно вообразить себѣ болѣе безотрадное мѣсто, чѣмъ эти конторы, разсѣянные по всему Лондону. Помѣщенія большею частью чуть не подвальные, воздуха ровно столько, сколько необходимо, чтобы не задохнуться человѣку, солнца ни луча, за окномъ копоть и сажа изъ фабричныхъ трубъ, а за столами, не разгибаясь, сидятъ люди и цѣлыми днями скрипятъ перьями. Все пишутъ, считаютъ, подсчитываютъ

Лица у всѣхъ истомленные. Работа утомительная и оплачивается плохо.

И Чарльзъ Диккенсъ сидѣлъ цѣлый день за конторкой, а вечеромъ и въ праздники бѣгалъ въ читальную залу огромной и великолѣпной публичной библіотеки и читалъ, читалъ безъ конца. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало пробить себѣ дорогу въ жизни. Писцомъ онъ быть не хотѣлъ. Это было слишкомъ скучно и не по здоровью ему. Присмотрѣвшись къ разнымъ занятіямъ, онъ изучилъ стенографію, то-есть скорый способъ записывать рѣчь особыми сокращенными знаками, а потомъ пристроился въ небольшую газету.

Онъ взялся поставлять отчеты о различныхъ собраніяхъ. Въ Лондонѣ этихъ собраній всегда бываетъ множество и во всѣхъ частяхъ города.

Чарльзъ Диккенсъ леталъ во всякую погоду съ одного конца города на другой, бѣгалъ пѣшкомъ, ѣздилъ на извозчикахъ, въ омнибусахъ, въ каретѣ, съ единственной мыслью, только бы не опоздать, только бы попасть во время. А когда попадалъ, то думалъ лишь о томъ, какъ бы успѣть все записать, какъ бы чего не спутать. Потомъ, съ записаннымъ, мчался въ редакцію газеты.

Редакторъ газеты былъ очень доволенъ старательнымъ и толковымъ репортеромъ. Диккенсъ зарабатывалъ у него довольно хорошо, но репортерское дѣло его не удовлетворяло. Онъ мечталъ о другомъ. Ему хотѣлось сдѣлаться настоящимъ писателемъ, и онъ въ свободное время писалъ небольшіе рассказы.

Чарльзъ Диккенсъ въ юности.

Ему было 23 года, когда онъ отправилъ одинъ изъ своихъ рассказовъ въ редакцію маленькой газеты.

Онъ такъ робѣлъ при этомъ, что не рѣшился даже лично отдать рукопись. Просто опустилъ ее въ ящикъ для писемъ и газетъ у дверей.

Портретъ Диккенса, находящійся въ Национальной портретной галлерей, въ Лондонѣ.

И когда черезъ мѣсяцъ, перебирая въ библиотекѣ новыя газеты, онъ увидѣлъ въ одной изъ нихъ напечатанное свое произведеніе, у него потемнѣло въ глазахъ и чуть не сдѣлалось дурно отъ неожиданности и огромной радости.

Наконецъ-то онъ нашелъ свой настоящій путь!

Черезъ три года Диккенсъ написалъ романъ, который увлекъ всю Англію, и она сразу признала его своимъ великимъ писателемъ.

Кажется ни одна книга не имѣла такого поразительнаго успѣха, какъ „Записки Пикквикскаго клуба“. Выходили эти

„Записки“ отдѣльными книжечками и раскупались на расхватъ. Ихъ читали повсюду. Читали богачи, бѣдняки. Швей, рабочіе, прислуга, извозчики, лакеи—всѣ ждали ихъ появленія и всѣ спѣшили купить себѣ, часто на послѣдніе гроши, новыѣ выпускъ. Во дворцахъ и лачугахъ одинаково до упаду хохотали надъ смѣшными приключеніями мистера Пикквика и его достойныхъ друзей.

Но не однимъ смѣшнымъ захватывали „Записки“, въ нихъ было и серьезное, и печальное, и все описывалось въ такихъ увлекательныхъ происшествіяхъ, что, разъ начавъ читать книгу, невозможно было оторваться отъ нея. Увлечение Пикквикомъ дошло до того, что появились магазины, названные этимъ именемъ, кареты Пикквика, фасоны платьевъ, галстухи, трости, перчатки—все было Пикквика. Разсказываютъ, что одинъ умирающій, зная что дни его сочтены, радовался, что до появленія послѣдней книжки Пикквика онъ всетаки доживетъ и прочтетъ ее.

Въ повѣсти „Николай Никльби“ Диккенсъ описалъ всѣ ужасы тогдашней англійской школы, гдѣ воспитатели морили, отданныхъ имъ на полный пансіонъ, дѣтей голодомъ, держали ихъ въ темныхъ, сырыхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, ничему не учили, а только унижали, наказывали и нерѣдко даже заколачивали. Повѣсть эта подняла страшный шумъ. Вся Англія ужаснулась, читая ее. О школахъ заговорили въ обществѣ, въ газетахъ, въ журналахъ. Устроень былъ осмотръ школъ, послѣ котораго многія изъ нихъ были закрыты, воспитатели отданы подъ судъ, а надъ уцѣлѣвшими учебными заведеніями былъ установленъ строгій надзоръ. Можно сказать, что Диккенсъ своей повѣстью уничтожилъ старую школу и открылъ мѣсто новой.

Обиженные и страдающія дѣти всю жизнь остались люби-

мыми героями Диккенса. О дѣтствѣ своемъ онъ никогда никому не рассказывалъ, но воспоминаніями объ этомъ тяжеломъ времени полны многія изъ его повѣстей. Все, что перенесъ Диккенсъ ребенкомъ, все, что перевидалъ и переиспыталъ онъ въ дни голода и нищеты,—все это описывалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ.

Замученные работой и бѣдностью рабочіе, бродяги, арестанты, голытьба лондонскихъ улицъ, воры, мошенники, писцы, чахнушіе въ темныхъ конторахъ — вотъ люди, которыхъ до него писатели почти не трогали, во-первыхъ, потому, что мало ихъ знали, а во-вторыхъ еще и потому, что богатая Англія презирала бѣдность. Къ бѣдности она относилась, какъ къ пороку. „Бѣдняковъ травятъ, какъ зайцевъ. Бродягамъ и нищимъ одна дорога—въ тюрьму“, повторялъ безъ конца Диккенсъ. „Тюрьма же никого исправить не можетъ. Главное—это не допустить человѣка стать такимъ, что ему уже невозможно помочь. Что же нужно для этого? Дайте намъ человѣческія жилища, когда мы лежимъ еще въ колыбели, дайте намъ пищу, когда мы еще дѣти, дайте законы, которые бы помогли намъ, нищимъ и бродягамъ, вернуться на честный путь, когда мы сбились съ него, а не ставьте у насъ на дорогѣ тюрьму“.

Вотъ какъ говоритъ словами одного изъ своихъ несчастныхъ героевъ самъ Диккенсъ. И проповѣдь его помогла Англіи стать лучше, чѣмъ она была до тѣхъ поръ. Появились новые законы объ арестантахъ, бѣдняковъ не сажали больше въ тюрьму только за то, что они бѣдняки, должниковъ не томили безъ конца въ неволѣ. Въ Англіи появились новыя школы, новыя ясли и новыя пріюты для бѣдныхъ дѣтей.

Много сдѣлалъ для бѣдныхъ Диккенсъ, но не только однихъ бѣдняковъ описывалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ.

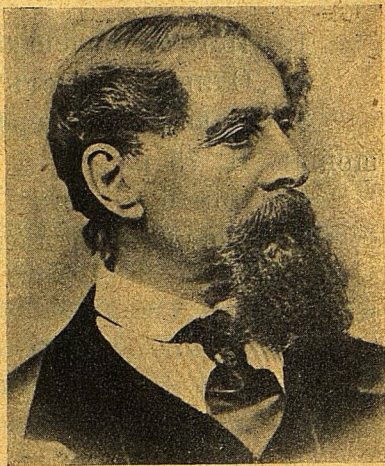

Всякое страданіе, отъ чего бы оно ни происходило, было ему близко. Богачи у Диккенса тоже страдаютъ, страдаютъ отъ одиночества, отъ отсутствія ласки, отъ недостатка любви. Маленькая дѣвочка, въ романѣ „Домби и сынъ“, которую никто не ласкаетъ, томится безъ любви въ роскошномъ домѣ богача-отца, не меньше нищаго ребенка, у котораго нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить свой голодь.

Но, описывая почти всегда страданіе, Диккенсъ не печальный писатель. Онъ прежде всего правдивый писатель и описываетъ жизнь такой, какая она есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми ея серьезными, ужасными, но и смѣшными сторонами. Иногда, какъ и въ жизни, у него нельзя сразу разобрать, смѣшно или грустно то, о чемъ онъ пишетъ. Смѣешься, потому что Диккенсъ

умѣетъ заставить смѣяться, и вдругъ, со смѣхомъ, неожиданно подходишь къ такой глубинѣ горя, что смѣхъ сразу переходитъ въ слезы, а слезы опять въ смѣхъ. Читатели волнуются, дрожатъ и мучатся надъ произведеніями Диккенса, какъ и онъ самъ, когда писалъ ихъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года Англія праздновала столѣтіе дня рожденія своего любимаго писателя. Диккенсъ не признавалъ холодныхъ бездушныхъ памятниковъ, и Англія не поставила ихъ ему, но почтила память своего любимаго писателя тѣмъ, что могло бы доставить радость ему живому. Къ этому дню открыты новыя школы и новыя попечитель-

Чарльзъ Диккенсъ.

ства о бѣдныхъ его имени, выпущены особыя юбилейныя марки съ его портретомъ, деньги отъ продажи которыхъ пойдутъ на добрыя дѣла.

П. Мамаевъ.

Произведенія Диккенса для дѣтей.

1. „Исторія маленькаго Пипа“. Ц. 25 к.
2. „Оливеръ Твистъ“. Изд. „Просвѣщенія“. Ц. 75 к.
3. „Давидъ Копперфильдъ“. (Дѣтство). Изд. „Просвѣщенія“. Ц. 75 к.
4. „Домби и сынъ“. Изд. „Просвѣщенія“. Ц. 75 к.
5. „Скрудъжъ“ и другіе Рождественскіе рассказы.

За счастьемъ.

VI.

С б о р ы .

БЫЛО ровно семь часовъ утра.

На площади передъ музеемъ еще не было ни души, кромѣ метельщиковъ, поднимавшихъ цѣлыя облака пыли.

На лѣстницѣ, у самаго входа въ музей, крѣпко спалъ мальчикъ. Лицо утомленное, блѣдное. вмѣсто подушки, подъ головой, бурый отъ пыли, коричневый пудель. Онъ тоже крѣпко спалъ, не чувствуя тяжести покоившейся на немъ головы.

Легко догадаться, что это былъ Дженарино съ Прыгуномъ.

Вдругъ издали послышался рѣзкій свистъ, похожій на свистокъ локомотива.

Свистѣвшій, не дождавшисъ отвѣтнаго свистка, немного помолчалъ и залился на всю площадь веселой пѣсенкой.

Потомъ пѣсенка вдругъ оборвалась, и раздался протяжный и громкій крикъ:

— Джена-а-рино!

Мальчикъ, спавшій на лѣстницѣ, сразу вскочилъ, встрянувшись и съ крикомъ „Тото!“ бросился на улицу.

— Что ты дѣлалъ?

— А ты?

— О, у меня чудесно!

— Не дурно и у меня!

Съ этими словами Тотоно запряталъ въ карманъ деньги, которыя все время такъ и держалъ зажатыми въ рукѣ.

Прежде чѣмъ показать ихъ Дженарино, ему хотѣлось подробно рассказать, какъ онъ ихъ добывалъ. Но Дженарино съ торжествующимъ видомъ уже подносилъ ему къ носу ладонь съ монетами, вырученными за продажу цилиндра.

— Важное дѣло! Всего три лиры,—презрительно вырвалось у Тотоно.

— Развѣ у тебя больше? — спросилъ оторопѣвшій Дженарино.

— Ну, понятно,—съ гордостью заявилъ Тотоно и рассказалъ исторію съ брошкой.

— Но это досталось мнѣ цѣною крови,—прибавилъ онъ и показалъ оцарапанную ногу.

— Значить, вмѣстѣ у насъ почти одиннадцать лиръ! — восторженно крикнулъ Дженарино.—Да мы богачи! Настоящіе богачи. Съ такими деньгами можно пройти и дальше Женева.

Тотоно, возбужденный изумленіемъ и похвалой товарища, подбѣжалъ къ Прыгуну, схватилъ его за переднія лапы и спросилъ:

— Ну, а ты что сдѣлалъ? Отвѣчай, что ты то сдѣлалъ? Прыгунъ въ отвѣтъ только вилялъ хвостомъ.

Тотоно, не выпуская собаки, пустился съ нею въ плясъ, насвистывая вальсъ.

— Смотри, смотри скорѣй! — остановилъ его Дженарино, указывая на противоположный конецъ площади.

— Это кто же?

— Какъ! Это Таніэлло? Не можетъ быть! Верхомъ? На ослѣ? Откуда у него осель? Гдѣ онъ его досталъ?

— Смотри, смотри: кланяется. Таніэлло! Это Таніэлло. Никакихъ нѣтъ сомнѣній. Таніэлло!

И оба друга бросились навстрѣчу всаднику.

— Таніэлло! Таніэлло! Откуда у тебя осель?

— Ты ли это? Да отвѣчай же.

— Тише! Молчите, — отвѣтилъ Таніэлло, блестя возбужденными глазами. — Это потерявшійся осель. Свернемъ въ глухой переулокъ. Тамъ я вамъ все расскажу.

— Сюда, сюда! Вотъ поворачивай за музей. Тамъ никто не помѣшаетъ.

Но тутъ случилась неожиданная помѣха. На всю улицу раздался отчаянный собачій визгъ. Прыгуну сразу понравился осель, и онъ захотѣлъ съ нимъ познакомиться поближе. Но неистовые прыжки и ясно выраженное желаніе схватить его зубами за морду, не понравились гордому животному, и осель такъ хватилъ ногой Прыгуна, что чуть не раздробилъ ему черепъ.

Съ этой минуты началась непримиримая ненависть между Прыгуномъ и Монашкомъ.

Вся вина была конечно на сторонѣ Монашка. Развѣ такъ долженъ онъ былъ отнестись къ простодушной радости Прыгуна? Но мальчиковъ не особенно заинтересовала вся эта

исторія. Черезъ пять минутъ они уже были въ глухомъ переулкѣ.

Таніэлло разсказаль, гдѣ и какъ онъ нашель осла и закончилъ тѣмъ, что всетаки опасается, какъ бы ихъ не арестовали за воровство.

— Ну, ужъ это я беру на себя, — важно заявилъ Дженарино. — Пока это мой секретъ, какъ я все устрою. Но вы будьте спокойны. Все будетъ отлично.

— Прекрасно, согласился Тотоно. — А теперь надо рѣшить, какъ ѣхать.

Дженарино и Таніэлло слегка растерялись, но Тотоно продолжалъ:

— Конечно. Теперь я уже не слушаю никакихъ возраженій. Осла достали. Деньги есть. Отступить никто не смѣетъ.

Друзья молчали. Тотоно принялъ молчаніе за знакъ согласія и продолжалъ:

— Не думаете ли вы ѣхать съ пустыми руками? Вотъ уже это было бы настоящимъ безуміемъ. Надо заготовить побольше разныхъ шутокъ, смѣшныхъ сенокъ и фокусовъ, всего такого, однимъ словомъ, чѣмъ еще вчера мы веселили синьора Каландроне. Кромѣ того, каждый изъ насъ знаетъ, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ разныхъ пѣсенокъ. Вотъ только не хватаетъ инструментовъ, чтобы аккомпанировать. Необходимо подумать, откуда ихъ раздобыть. Я, напримѣръ, чудесно бы справился съ тамбуриномъ.

— Чего же лучше! — воскликнулъ, весь оживившись, Дженарино. — А мнѣ бы только достать желѣзный треугольникъ, подвѣсить бы его на веревочку и ударять въ него металлическою палочкой. Для Таніэлло недурно было бы раздобыть барабанъ. Важнецкая выйдетъ музыка!

И они такъ увлеклись своими планами, что забыли всякую осторожность. Раскричались, размахивали руками. Тутъ же кружился и прыгалъ пудель.

Осла захватило общее настроеніе. Ему тоже захотѣлось чѣмъ-нибудь проявить себя, и онъ закричалъ.

Его громкій, пронзительный крикъ прорѣзалъ тишину глухого переулка.

Но вдругъ и пѣніе, и пляска, и пѣсни, и прыжки—все сразу оборвалось: выведенная изъ себя неаполитанка выплеснула изъ окна чашку съ водой на нарушителей общественной тишины и спокойствія.

Черезъ секунду мальчиковъ съ животными и слѣдъ простылъ, а черезъ четверть часа они очутились на площади, на другомъ концѣ города.

— Ну, и натерпѣлись же мы страха!—сказалъ Таніэлло. Ему пришлось тащить за поводъ осла, и онъ добрался до площади послѣднимъ.

— Полно дурить! Давайте обсудимъ все серьезно.

— А кто будетъ покупать инструменты?

— Я,—отвѣтилъ Тотоно.

У него были всѣ деньги, и его выбрали казначеемъ.

— А я позабочусь объ ослѣ. Его необходимо чуточку передѣлать.

— Что ты хочешь съ нимъ дѣлать, Дженарино?—спросилъ испуганно Таніэлло.

— Ничего особеннаго. Такъ, устрою кое-что, чтобы его не узнали.

— Ну, если ничего особеннаго... если немножко.. Такъ и быть,—согласился успокоенный Таніэлло, и мысли его уже направились на другое.

— А не нужно ли намъ подновить наши костюмы?—спросилъ онъ.

— Не мѣшаетъ. Вѣдь по платью встрѣчаютъ.

— Да, внѣшность, конечно, много значитъ.

— Въ такомъ случаѣ я забѣгу къ старьевщику.

— А гдѣ же мы встрѣтимся?

— Опять на площади передъ музеемъ.

— Великолѣпно. Идемъ вмѣстѣ, Таніэлло.

Таніэлло и Тотоно, взявшись подъ руку, пошли черезъ площадь и направились по улицѣ, а Дженарино взглянулъ на осла и такъ фыркнулъ, что прохожій съ недоумѣніемъ покосился на него, а Прыгунъ, поднявъ голову, удивленно и вопросительно заглянулъ ему въ глаза.

— За дѣло!—крикнулъ Дженарино.

И работа закипѣла.

VI.

Отъездъ.

Ровно въ полдень Таніэлло съ Тотоно явились на площадь передъ музеемъ.

Таніэлло все еще мучили разныя сомнѣнія, и онъ не совсѣмъ довѣрялъ Тотоно, который продолжалъ быть въ упореніи отъ своего плана.

— Ты только взгляни на эту матросскую блузу, на эти короткія штанишки!—восхищался онъ. — А бѣретъ! Нѣтъ, Таніо, ты будешь во всемъ этомъ просто великолѣпенъ.

— Да, да. Конечно, это хорошо,—едва отвѣчалъ Таніэлло, заглядывая въ улицы, выходившія на площадь.

— А какъ будетъ хорошъ Дженарино въ этой военной курткѣ съ бѣлыми рейтузами. Я же надѣну старинный испан-

скій костюмъ. Да, Таніэлло, невозможно было лучше выбрать, и все это мнѣ досталось почти даромъ.

Не было никакого сомнѣнія, что весь этотъ гардеробъ ничего не стоилъ. Это была просто куча всякаго тряпья, и только опытный глазъ старьевщика могъ разглядѣть, среди

бархатныхъ лохмотьевъ, костюмъ испанскаго гранда, которымъ такъ восхищался Тотоно.

— Но что съ тобой? О чемъ ты думаешь? — вдругъ спохватился онъ и потрясъ за руку своего маленького товарища, который все время что-то вы-

Приготовленія въ путь.

сматривалъ по сторонамъ:—Да пошевеливайся же, наконецъ! Давай одѣваться.

И они быстро переодѣлись.

Иностранцы, какъ разъ въ эту минуту входившіе въ музей, весело расхохотались, замѣтивъ мальчиковъ.

И дѣйствительно, Тотоно, одѣтый въ красныя лохмотья съ ярко красной тряпкой, перекинутой въ видѣ плаща черезъ плечо, и Таніэлло, которому едва налѣзли морская куртка и голубыя штанишки, были очень смѣшны. Каждый изъ нихъ держалъ подъ рукой свой музыкальный инструментъ.

Тотоно хотѣлось во что бы то ни стало расшевелить Таніэлло, и онъ забрасывалъ его вопросами.

— Ну, скажи по правдѣ, Таніо, развѣ мы не великолѣпно

снаряжены въ путь? Развѣ у насъ плохіе инструменты? Отъ барабана можно просто оглохнуть. А мой треугольникъ! Его слышно за версту. Съ тамбуриномъ Дженарино, это выйдетъ цѣлый оркестръ.

— Смотри, смотри, — вдругъ закричалъ Таниэлло. — Ахъ, мошенникъ, онъ со-всѣмъ передѣлалъ моего осла.

Тотоно, молча, съ удивленіемъ смотрѣлъ на поразительно чернаго осла съ оранжевыми ушами и красными кругами вокругъ глазъ. На немъ, съ видомъ побѣдителя, возсѣдалъ Дженарино.

Мальчики помчались черезъ площадь.

Монашекъ сталъ до такой степени неузнаваемъ, что даже Прыгунъ не сразу призналъ своего врага. Онъ бросился къ ослу и сталъ скакать возлѣ него, надѣясь, что этотъ новый осель будетъ подобнѣе прежняго.

Онъ такъ увлекся, что даже слизнулъ съ него немного краски.

Но Монашекъ не долго оставялъ въ заблужденіи Прыгуна. Онъ неожиданно такъ сильно лягнулъ его, что собака съ визгомъ отлетѣла въ сторону.

Мальчики перестали шутить и смѣяться.

Маскарадъ съ осломъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ.

Ихъ окружила цѣлая толпа любопытныхъ, и они поняли что пришло время поскорѣй удирать съ площади.

Тотоно въ одинъ мигъ очутился верхомъ на ослѣ, товарищи помѣстились за нимъ и, подстегнувъ осла, мальчики карьеромъ помчались черезъ площадь по улицѣ.

— Держите! Держите ихъ!—кричали имъ вслѣдъ.

VIII.

Приключенія путешественниковъ.

Они мчались такъ быстро, какъ будто Монашекъ понималъ ихъ положеніе и съ своей стороны хотѣлъ имъ помочь. Улицы мелькали, точно картины въ волшебномъ фонарѣ.

Мальчики уже давно перестали править осломъ, но онъ все мчался впередъ и остановился только на перекресткѣ двухъ улицъ.

Мѣсто это было довольно пустынное. Прохожихъ и проѣзжихъ почти не попадалось. Здѣсь же помѣщался маленькій скромный трактирчикъ.

Дженарино соскочилъ первымъ съ осла. За нимъ спустился Тотоно.

Мальчики были опьянены быстрой ѣздой. Первый разъ въ своей жизни путешествовали они не на своихъ ногахъ.

Бѣдный Таніэлло все еще сидѣлъ на ослѣ. Онъ совсѣмъ одурѣлъ отъ скачки и отъ страха потерялъ языкъ.

— Что съ тобой, Таніо? Да сходи же!

Но Таніэлло не шевелился.

— Господи, да онъ превратился въ истукана!

И, смѣясь, Дженарино помогъ Таніэлло слѣзть съ осла.

— Ну, и мчались же мы!—восторженно сказалъ Тотоно.

— Это не осель, а неоцѣнимое сокровище! подхватилъ Дженарино.

— Ахъ, ты мой милый, длинноухій мой, — точно въ бреду повторялъ Тотоно.

Но бѣдный Прыгунъ не раздѣлялъ восторга своихъ хозяевъ. Въ изнеможеніи онъ свалился прямо на пыльную землю и никакъ не могъ отдышаться послѣ неистовой скачки.

— Прыгунъ, радость моя! Что съ тобой? — спросилъ Тотоно. — Бѣдняга! Тебѣ пришлось труднѣе, чѣмъ намъ. Но объщаю тебѣ: въ слѣдующій разъ и ты поѣдешь на ослѣ.

— Однако, я такъ дольше не могу. Меня подвело съ голлуду, — признался Дженарино. — Не пора ли намъ закусить? Вотъ кстати и рестораникъ.

— Превосходно. Позавтракаемъ! — захопалъ въ ладоши Тотоно. — Идемъ, что ли, Таніэлло?

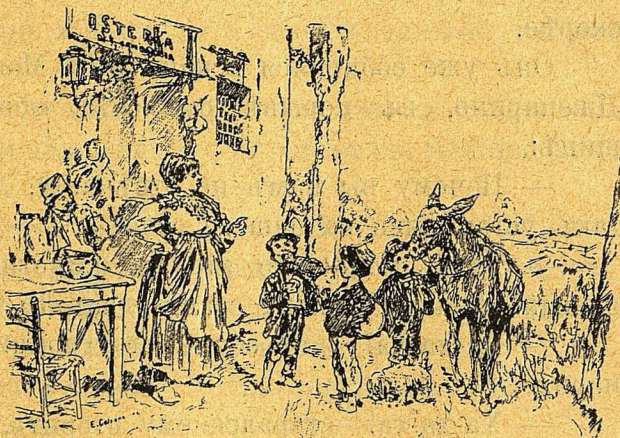
И, не дожидаясь отвѣта, Тотоно направился къ трактирщицѣ, стоявшей у дверей ресторана и спросилъ ее:

— Чѣмъ вы можете накормить насъ?

Женщина предложила мальчикамъ пройти въ ресторанъ, но Таніэлло вдругъ встревожился и объявилъ, что они должны непременно завтракать на воздухѣ.

— Мы не можемъ оставить его одного на улицѣ, — объяснилъ онъ, указывая на осла. — А что вы намъ дадите?

— Есть у васъ макароны? Хорошее вино?

— Мы не можемъ оставить его одного на улицѣ.

Женщина не отвѣчала. Она во всѣ глаза смотрѣла на осла.

Таниэлло это замѣтилъ и шепнулъ на ухо Тотоно:

— Кончено. Мы пропали. Взгляни, какъ она уставилась на осла. Навѣрное она его узнала. Вѣдь мѣсто, гдѣ я его встрѣтилъ, неподалеку отсюда. Надо удирать и какъ можно скорѣе.

Онъ уже собирался вскочить на Монашка, какъ вдругъ Дженарино, въ порывѣ смѣлости, обратился къ трактирщицѣ:

— Почему вы намъ не отвѣчаете, любезная? И чего вы такъ устались на нашего осла?

— Боже мой! Что это за животное? Онъ точно крашенный! Желтые уши! А возлѣ глазъ то что у него? Господи!

— Ха-ха-ха! — перебилъ ее громкимъ, хохотомъ Дженарино.

— Ха-ха-ха!—старался ему вторить, замирая отъ страха, Тотоно.

— Вы удивляетесь на нашего осла?—развязно обратился Дженарино къ трактирщицѣ.—Вполнѣ согласенъ съ вами, что видъ у него не совсѣмъ обыкновенный. Нашъ оселъ это изумительная и рѣдкая игра природы. Онъ такъ и родился со своими оранжевыми ушами и колесами вокругъ глазъ, которые ему придаютъ такой видъ, точно онъ въ очкахъ. Его собственная мать была поражена не меньше васъ, когда увидѣла новорожденнаго. Поражена до такой степени, что такъ и не признала его за своего... Отказалась отъ собственного ребенка... Не захотѣла его кормить. Намъ самимъ пришлось его выхаживать.

— А, вотъ оно что! Значитъ это игра природы?—произнесла трактирщица, оглушенная этимъ потокомъ словъ.

— Мы спасены, — прошепталъ Таніэлло. — А теперь поскорѣй завтракать.

Сказать, что три мальчика просто поѣли, было бы слишкомъ слабо. Они втроемъ ушлепи полъ таверны и опомнились только въ ту минуту, когда пришлось расплачиваться.

Только теперь они вспомнили о своемъ замѣчательномъ оселѣ.

— А оселъ? Не думаю, чтобы безъ подкрѣпленія онъ пригодился намъ для дальнѣйшаго путешествія. Навѣрное онъ порядкомъ отощаль.

— Надо подкормить его.

Дженарино попросилъ трактирщицу дать ослу охапку сѣна. Монашекъ не заставилъ себя упрашивать и въ одну минуту уничтожилъ предложенное ему угощеніе.

Наконецъ, расплатившись съ трактирщицей, три мальчика пустились въ путь.

И съ какими пѣснями они поѣхали! Дженарино былъ запѣвалой, а два другихъ ему подтягивали.

Звонко раздавались ихъ голоса, а осенній вѣтеръ подхватывалъ ихъ и разносилъ дальше.

Время близилось къ полудню. Пыльная улица, отъ бѣгавшихъ по ней солнечныхъ зайчиковъ, казалась точно сдѣланной изъ мозаики.

Стоялъ ясный октябрьскій день.

Подъ изношеннымъ платьемъ сердца мальчиковъ все еще отплясывали тарантеллу.

Черезъ два часа, когда путешественники уже давно проѣхали Неаполь и миновали нѣсколько деревушекъ, они почувствовали усталость. Таніэлло замолкъ первый. За нимъ притихъ и Дженарино. Одинъ Тоттоно все еще пѣлъ, ударяя

палочкой въ свой треугольникъ. Но въ концѣ концовъ усталые Таніэлло и Дженарино попросили его перестать.

Тотоно умолкъ. Тогда втроемъ они принялись строить различные планы для дальнѣйшаго путешествія, и это ихъ опять нѣсколько оживило. Монашекъ не понималъ, что они говорятъ, и потому, вѣроятно, не могъ забыть о своей усталости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

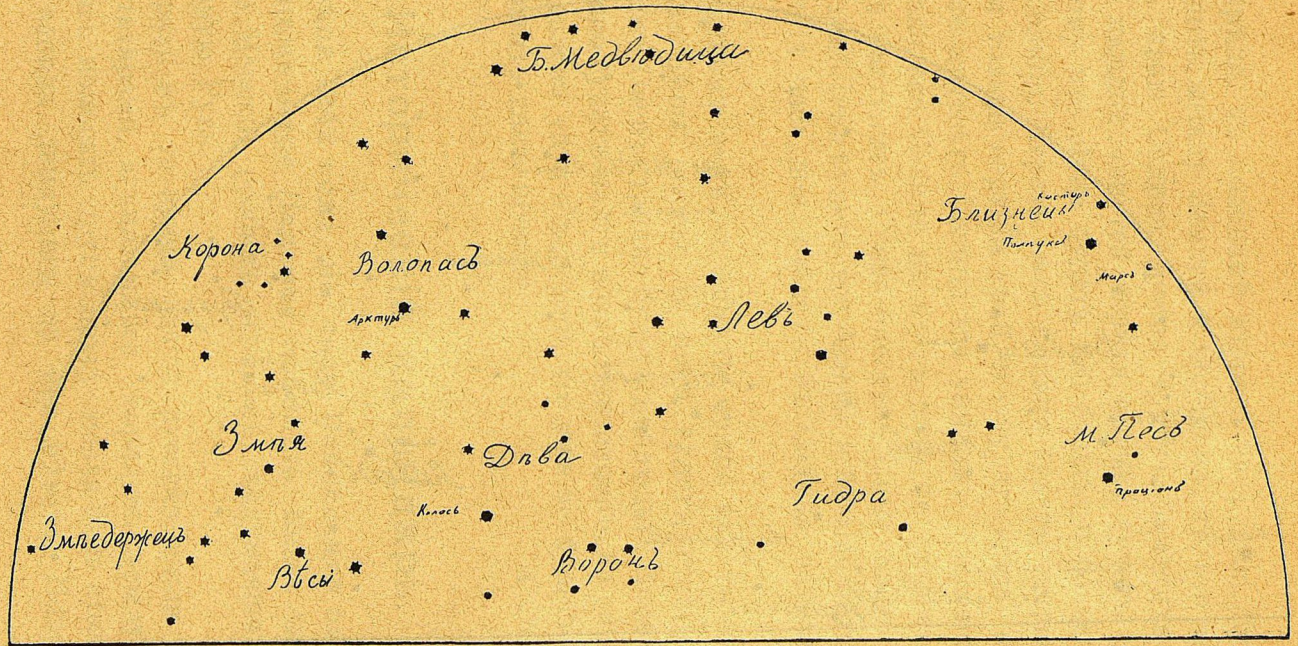
Астрономическія карты.

НЕМНОГО меньше мѣсяца нужно Лунѣ, чтобы объѣхать вокругъ Земли. Мы уже знаемъ, что, совершая свой путь, Луна иногда попадаетъ въ земную тѣнь, и тогда происходитъ Лунное затмѣніе; послѣднее такое затмѣніе было въ ночь съ 19-го на 20-е марта. Въ апрѣлѣ произойдетъ другое явленіе: Луна пробѣжитъ между Землей и Солнцемъ и на время закроетъ собою Солнце; намъ съ Земли будетъ казаться, что на Солнце надвигается круглая черная заслонка. Иногда случается, что Солнце при этомъ на нѣсколько минутъ совсѣмъ скрывается за Луной, и тогда среди дня наступаетъ тьма, и на небѣ показываются звѣзды, но чаще Луна покрываетъ только часть Солнца, Эти явленія называются Солнечными затмѣніями.

Такое затмѣніе произойдетъ и въ среду 4-го апрѣля. Для наблюденій придется запастись закопченными стеклами, потому что незащищенному глазу больно будетъ глядѣть на Солнце.

Въ день Солнечнаго затмѣнія Луна находится совсѣмъ рядомъ съ Солнцемъ, но видѣть ее можно только тогда, когда затмѣніе начнется: Луна тогда кажется чернымъ кружкомъ, который надвигается на блестящее Солнце.

Южное небо.

Востокъ.

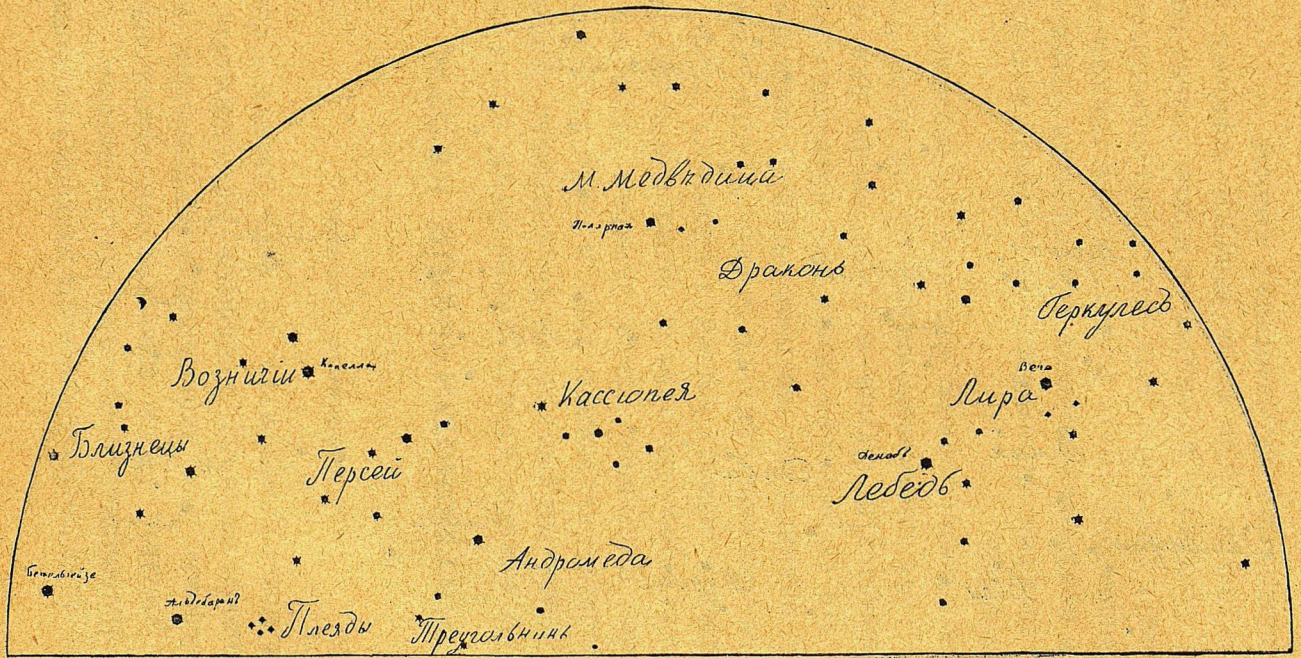
Юго-Востокъ.

Югъ.

Юго-Западъ.

Западъ.

Съверное небо.

Западъ.

Съверо-Западъ.

Съверь.

Съверо-Востокъ.

Востокъ.

4-го апрѣля, въ половинѣ второго часа дня, Луна начнетъ проходить между Землей и Солнцемъ; въ это мгновеніе на правомъ краю Солнца можно будетъ замѣтить черную выемку; съ каждой минутой черная выемка будетъ увеличиваться, потому что Луна будетъ все больше и больше надвигаться на Солнце. Черезъ часъ Солнце будетъ закрыто почти цѣликомъ, и только верхній край его будетъ сіять по прежнему: вмѣсто круглаго Солнца мы увидимъ блестящую подковку. Однако все Солнце на этотъ разъ не закроется, такъ что тьма не наступитъ. Скоро блескъ Солнца опять начнетъ увеличиваться, Луна будетъ все больше и больше отодвигаться влѣво и, въ 4 часа дня, сойдетъ съ Солнца: затмѣніе окончится.

На звѣздномъ небѣ въ апрѣлѣ можно будетъ найти новое созвѣздіе: Вѣсы; высоко на небѣ будетъ стоять Лебедь, зато исчезнетъ Овенъ, трудно будетъ наблюдать Плеяды. Марса все еще можно будетъ найти возлѣ Близнецовъ, но онъ успѣетъ настолько далеко уйти отъ Земли, что уже не будетъ казаться такимъ яркимъ, какъ прежде.

А. Лодисъ.

Историческій календарь.

5 апрѣля 1242 года, на льду, Пековского озера произошло знаменитое Ледовое побоище. Князь Александръ Ярославичъ Невскій разбилъ нѣмцевъ, задумавшихъ захватить сѣверную Русь.

Какъ разъ въ то время, когда русская земля уже была раззорена татарами, а князья все ссорились между собою и отказывались помогать другъ другу, новая бѣда стала грозить Руси. Съ запада двинулись на нее нѣмцы. Подошли они

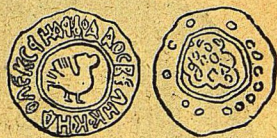
тихо, почти незамѣтно. Самые первые попали на русскую землю случайно. Это были купцы съ разбитаго бурей торговаго корабля. Осмотрѣвшись въ новомъ мѣстѣ, нѣмцы нашли, что здѣсь можетъ пойти торговля, и вернулись сюда уже съ товаромъ. Увидѣли, что это выгодно, а потомъ сообразили, что еще выгоднѣе и всю страну возлѣ моря прибрать къ своимъ рукамъ.

Побережье считалось за новгородцами. Населявшія его языческія дикія племена платили дань Новгороду. Нѣмцы захотѣли сами владѣть побережьемъ. Папа римскій вызвался помочь имъ, объявилъ крестовый походъ, и въ тихую дикую страну явились опытные въ бояхъ рыцари съ цѣлой толпой монаховъ.

Монахи должны были крестить, а рыцари усмирять тѣхъ, кто не захотѣлъ бы креститься.

За такое дѣло, которое въ тѣ времена считалось правымъ и богоугоднымъ, было обѣщано отпущеніе грѣховъ. И рыцари не щадили никого. Язычниковъ хватали, ловили, крестили толпами, не спрашивая, хотятъ ли они этого. Язычники разбѣгались по лѣсамъ, тамъ срывали насильно надѣтые кресты и опять молились прежнимъ богамъ. Рыцари ихъ выслѣживали, какъ дикихъ звѣрей, мучили и убивали непокорныхъ. Тѣ изъ бѣглецовъ, которымъ посчастливилось уйти изъ рукъ крестоносцевъ, скрывались въ новгородскія земли. Здѣсь они находили пріютъ и защиту. Рыцарямъ это не понравилось, и они рѣшили наказать новгородцевъ. Разобрали они, что страна отъ татаръ ослабѣла и думали, что имъ безъ особаго труда удастся завладѣть ею. А кромѣ того, вѣдь, русскіе—папы римскаго не признавали, язычикамъ помогали, значитъ, можно было и на нихъ смотрѣть, какъ на невѣрныхъ. Побѣда надъ ними тоже душу спасала.

Двинулись рыцари на Псковъ. Благодаря измѣнѣ, они быстро завладѣли городомъ, поставили въ немъ своихъ управителей и отправились дальше, въ земли новгородскія. По пути они жгли посады и села. Построили свою крѣпость въ Копорьи, по берегамъ Луги забрали всѣхъ лошадей и скотъ. По селамъ нельзя было земли пахать, да и нечѣмъ. Купцовъ съ товарами грабили, убивали. Въ тридцати верстахъ отъ Новгорода не стало ни прохода, ни проѣзда людямъ. Растерялись новгородцы. Рыцари, по всему свѣту побѣдами прославленные, на городъ надвигаются, а у нихъ даже князя, который бы войско собралъ и на врага повелъ, нѣтъ. Только недавно они своему князю, славному побѣдителю надъ шведами, Александру Ярославичу Невскому, изъ Новгорода путь указали. Не захотѣли его за строгость и отправили. Забыли, какъ онъ мудро правилъ ими, какъ защищалъ отъ литовцевъ, пришли и сказали ему, по своему обычаю, что больше не хотятъ его, „путь ему изъ Новгорода Великаго указываютъ“.

Монета Александра
Невскаго.

Стерпѣлъ обиду великую Александръ Ярославичъ, тихо и покорно ушелъ отъ забывшихъ его заслуги новгородцевъ. Не сталъ съ ними считаться. Довольно и безъ него страдала русская земля отъ всякихъ споровъ и ссоръ. Множить смуть не захотѣлъ князь.

А когда пришла бѣда, вспомнили о немъ новгородцы и послали владыку съ боярами молить мудраго и отважнаго князя спасти Новгородъ.

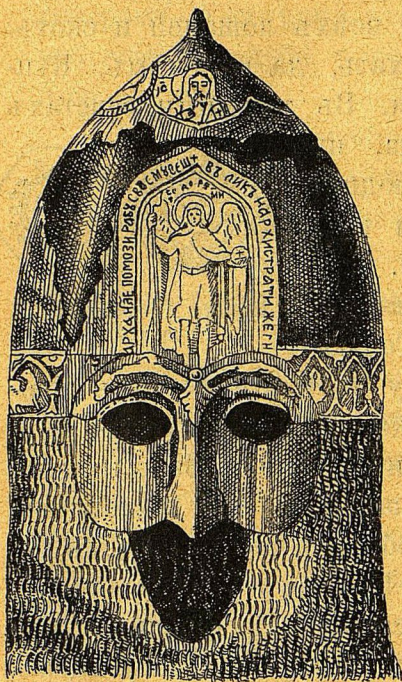
Александръ Ярославичъ сразу понялъ, что новая, грозная туча, не только на Новгородъ, а на всю Русь съ запада надвигается. Нѣмцы даже пострашнѣ страшныхъ татаръ были. Татары только покорности и дани требовали, а нѣмцы еще

все на свой ладъ передѣлывали: заставляли и вѣру мѣнять, и жить по другому приказывали.

Обиду свою отъ этихъ мыслей сразу забылъ Александръ Ярославичъ и поспѣшилъ родную землю отъ заморскихъ враговъ спасать. Съ небольшой, но вѣрной и храброй дружиной пошелъ онъ къ Пскову, по пути разорилъ нѣмецкую крѣпость, а потомъ, осадивъ городъ, выгналъ изъ него нѣмцевъ и отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ.

Скоро услышалъ Александръ Ярославичъ, что идетъ на него непріятель. Идетъ и хвалится: „Мы князя Александра руками возьмемъ“!

Было это въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года. Не сталъ князь врага дожидаться. Самъ навстрѣчу ему двинулся, и сошлись оба войска на льду Псковскаго озера.

Шлемъ времени Александра Невскаго.

На разсвѣтъ 5 апрѣля при солнечномъ восходѣ увидѣла княжеская дружина рыцарей-крестоносцевъ, съ большими красными и черными крестами на плащахъ. Оробѣли дружинники. Крестоносцы на весь свѣтъ своими побѣдами славились. Александръ же, ѣхавшій впереди всѣхъ, поднялъ руки вверхъ и голосомъ, похожимъ, по словамъ современниковъ, на звукъ трубный, сказалъ:

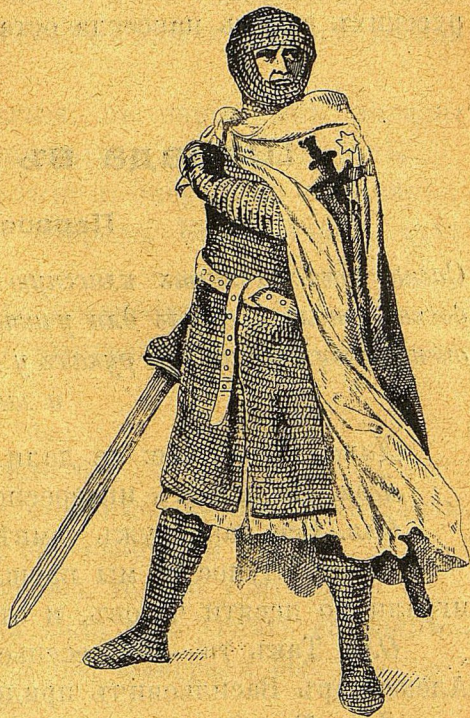
— Разсуди, Боже, споръ мой съ народомъ высокоумнымъ.

Закипѣлъ страшный бой. Зазвенѣли мечи, ледъ побагровѣлъ отъ пролитой крови и мѣстами трескался.

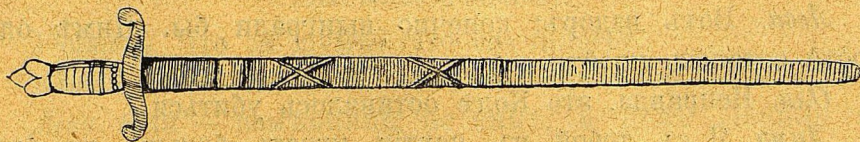
Многіе потонули. Нѣмцы бросились бѣжать. Русскіе гнались за ними семь верстъ, а затѣмъ Александръ, съ уцѣлѣвшими дружинниками, повернулъ къ Пскову и торжественно вошелъ въ освобожденный городъ.

Близъ коня его вели плѣнныхъ знатныхъ рыцарей, за нимъ гнали цѣлую толпу простыхъ плѣнныхъ. Весь Псковъ вышелъ на встрѣчу своему избавителю и привѣтствовалъ его радостными криками.

„Пусть самъ Богъ ополчится на насъ, если мы забудемъ благодаренія нашего князя“, говорили псковичи и новгородцы. А гордые нѣмцы прислали съ поклономъ позловъ въ Новгородъ: „Все, что

Нѣмецкій рыцарь-крестоносецъ.

Мечъ времени Александра Невскаго.

мы взяли отъ васъ мечемъ, отъ всего отступаемся“, сказали они. „Сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ—размѣняемся. Мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите.“

Послѣ Ледового побоища, мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель навсегда оставила нѣмцевъ.

Шарада въ лицахъ № 1.

Первое слово.

Сцена представляетъ классную комнату. Три парты. Черная доска. Столъ и стулъ для учителя. Входятъ Дима, Оля и Лева, очень возбужденные. Въ рукахъ у нихъ крокетные ворота, молотки и шары.

Дима. Безобразіе: не дали доиграть!

Лева. На самомъ интересномъ мѣстѣ!

Оля. Все равно, ужъ темнѣеть.

Дима. Глупости: мы прошлое воскресенье съ фонарями играли до десяти часовъ, и отлично было.

Оля. Такъ то—воскресенье, мы были свободны, а сейчасъ Александръ Васильевичъ придетъ.

Лева. Ты, Оля, извѣстная благоразумница.

Дима. Ты можешь спокойно играть, а я не могу. Еще бы одинъ ударъ только дали сдѣлать, и я бы туда Колинъ шаръ угналъ...

Оля. Все равно, мы бы проиграли.

Лева. Вотъ вздоръ: конечно выиграли бы. Димѣ одни ворота осталось пройти.

Оля. Неправда, это Колѣ оставалось убиться.

Дима. Я съ тобой въ партіи играть больше не буду.

Правда, Лева, не надо ея? Пусть играетъ въ Колиной партіи, а мы возьмемъ Наку.

Лева. Да, да! Дима кончалъ, еще только одинъ ударъ, а ты говоришь: Коля. Ну, и отлично, ну, и убивайся съ нимъ.

Оля. Нѣтъ, это ужъ безсовѣстно съ вашей стороны: всегда вмѣстѣ играли, и вдругъ...

Дима. Потому что такъ нельзя: въ партіи все должны другъ друга поддерживать, защищать и покрывать, а ты...

Оля. Конечно, когда ты хотѣлъ не въ очередь Колинъ шаръ...

Лева. Удивительно: не въ очередь. Когда война, тутъ ужъ не разбираютъ.

Оля. Нѣтъ, всегда нужно по честности.

Дима. Мы бы ужъ давно выиграли, а тутъ съ твоей честностью...

Оля. Все равно проиграли бы.

Лева. Выиграли бы, выиграли бы!

Оля. Сейчасъ учитель придетъ, надо книги приготовить.

Лева. (*Кричитъ*) Выиграли бы, выиграли бы!

Оля. Неправда: Колѣ оставалось только убиться.

Дима. Да, еслибъ ты тогда дала мнѣ угнать его шаръ...

Лева. (*Еще громче*) Выиграли бы, выиграли бы!

Оля. Неправда, неправда!

Дима. } (*наступая на нее и ударяя молотками обз полъ*).

Лева. } Выиграли бы, выиграли бы!

Второе слово.

(*Входитъ учитель*).

Учитель. Что за шумъ? Что случилось?

Дима. Намъ не дали доиграть, одни ворота остались...

Лева. Оля — измѣнница: не намъ, а Колѣ Лапину помагаешь...

Оля. Неправда, я только хочу по честности.

Лева. А мы, по честности, совсѣмъ исключимъ тебя изъ игры.

Оля. Не имѣете права.

Дима. Вотъ еще вздоръ: выгонимъ изъ игры — вотъ и право.

Оля. Не смѣете.

Дима. } Выгонимъ, выгонимъ!
Лева. }

Учитель. Перестаньте, успокойтесь, какъ вамъ не стыдно!

Дима. Выгонимъ.

Лева. Выгонимъ: ты измѣнница.

Оля. Не смѣете, я папѣ скажу.

Дима. Ябедница!

Лева. Фискалка!

Оля. (*Плачетъ*). У-у, противные!

Учитель. Да это адъ какой-то! Сейчасъ же всѣ замолчите и садитесь по мѣстамъ.

Третье слово.

(*Дима, Лева и Оля усаживаются за парты, Оля вытираетъ слезы, Лева показываетъ ей носъ.*)

Учитель. (*Просматриваетъ тетради*). Вотъ, Дима, у тебя тутъ въ сочиненіи нѣсколько ошибокъ: „Медленно“ ты пишешь черезъ „ѣ“, къ знакамъ препинанія относишься очень небрежно. Вотъ тутъ, на примѣръ, такая фраза: „Онъ продолжалъ итти, а я остался.“ У тебя передъ „а“ нѣтъ запятой. Почему тутъ нужна запятая? (*Молчаніе*). Можетъ быть, Оля отвѣтитъ мнѣ, или Лева? (*Молчаніе*). Чѣмъ является въ этомъ предложеніи „а“? (*Молчаніе*). Вижу, что

у васъ въ головахъ сейчасъ не мысли, а продолжаютъ перекатываться крокетные шары. Прошу васъ забыть о крокетѣ и подумать о грамматикѣ. Что такое „а“?

Дима. Буква.

Оля. Гласная.

Лева. А почему, Александръ Васильевичъ, вотъ въ Думѣ тоже называются „гласные“?

Учитель. О Думѣ мы поговоримъ послѣ урока. И такъ, „а“,—гласная буква. У, О, И—тоже гласныя буквы, но всѣ эти буквы иногда бываютъ частями рѣчи. Какими? (*Молчаніе*). Ну, „у“, напримѣръ?

Лева. „У“ бываетъ „игрекомъ“.

Учитель. Какъ—игрекомъ?

Лева. А если писать по французски, то „у“ становится „игрекомъ“.

Учитель. Это вѣрно, но это не имѣетъ отношенія къ русской грамматикѣ.

В е е.

(*Послѣ урока входитъ старшій братъ*).

Старшій братъ. Александръ Васильевичъ сказалъ мнѣ, что вы сегодня очень плохо отвѣчали. Не удивительно: я слышалъ, что у васъ въ саду творилось за крокетомъ: Мамаево побоище. Какъ вы заборъ не разнесли — удивляюсь. И совсѣмъ какъ-то не понятно мнѣ это увлеченіе крокетомъ. Между прочимъ, отчего не поиграть; но сегодня — крокетъ, завтра—крокетъ, послѣ завтра—крокетъ, а по праздникамъ, такъ съ утра до ночи. Точно нельзя придумать другую игру, поинтереснѣе.

Дима. Интереснѣе крокета ничего не можетъ быть.

Оля. Какія же игры, кромѣ крокета?

Лева. Я въ сидячія не люблю.

Старшій братъ. Существуют игры и не сидячія, и поумнѣе. Вотъ, напримѣръ, шарада въ лицахъ.

Дима. Это что же за игра такая?

Оля. Я тоже не знаю, какъ это играютъ.

Старшій братъ. Ну, что такое шарада—вы знаете?

Лева. Знаемъ.

Дима. Да, конечно.

Оля. Въ нашемъ журналѣ часто бываютъ шарады.

Старшій братъ. Ну, такъ вотъ, надо взять слово, пригодное для шарады, и брать отдѣльно всѣ слова, изъ которыхъ оно состоитъ. Если словъ, напримѣръ, три... какое бы слово взять?..

Лева. Ну, вотъ тебѣ: кис-лот-а.

Старшій братъ. Отлично. Значитъ надо разыграть три сцены. Въ каждой изъ нихъ должно быть кстати употреблено одно изъ нужныхъ словъ. Въ первой—кисъ, во второй—лотъ и въ третьей—а. Въ послѣдней, четвертой сценѣ надо уже употребить все слово. А зрители должны отгадать, какое слово вы задумали. Тутъ и движеніе должно быть, и выдумка, и смѣшно можетъ быть очень. Весною и лѣтомъ шарады въ лицахъ можно разыгрывать на воздухѣ. Можно устраивать декорации, конечно самымъ простымъ образомъ, и костюмы, а можно и просто объявить зрителямъ: сцена представляетъ то-то.

Дима. А, вѣдь, это правда можетъ быть очень интересно.

Лева. Конечно. Я берусь придумывать слова для шарадъ.

Оля. А меня примете?

Лева. Разумѣется.

Оля. А Колю и Наку?

Дима. Всѣхъ возьмемъ, надо больше и актеровъ, и зрителей.

Оля. Такъ я побѣгу, скажу имъ.

Старшій братъ. Идите всѣ, сговоритесь на воскресенье, а я, только кончу работу, и тоже приду. Для перваго раза я вамъ помогу, а потомъ вы и одни будете управляться.

Дима.

Оля.

Лева.

} Спасибо, спасибо!

Обо всемъ понемногу.

Колокола.

ПРЕДАНИЕ рассказываетъ намъ, что первый колоколъ былъ отлитъ для богослуженія однимъ епископомъ. Гуляя въ лугахъ, приглядываясь къ цвѣтамъ и прислушиваясь къ ихъ шелесту, онъ былъ пораженъ красотою и музыкальнымъ шепотомъ полевыхъ колокольчиковъ. „Если сдѣлать подобные цвѣты въ огромномъ размѣрѣ изъ металла или стекла, вмѣсто пестика цвѣточнаго подвѣсить внутри мѣдный или стеклянный языкъ и, привязавъ къ нему веревку, ударять о стѣнки колокольчика, то долженъ послышаться сильный и прекрасный звукъ-звонъ.“

Такъ думалъ епископъ и привелъ свою мысль въ исполненіе. Но еще задолго до этого епископа, въ глубокой древности, за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, египтяне, греки и другіе народы употребляли колокола во время своихъ священныхъ праздниковъ. Теперь изъ всѣхъ государствъ колоколовъ всего больше въ Россіи и въ Англіи. У насъ отливаютъ свои колокола, но многіе изъ старинныхъ нашихъ колоколовъ были отлиты за границей. Объ этомъ говорятъ сдѣланные на нихъ надписи на иностранныхъ языкахъ. Еще раньше колоколовъ на Руси употребляли деревянные и метал-

лическія доски. Эти доски назывались „била“ или „клепала“, такъ какъ въ нихъ били или „клепали“ деревянными палками. И теперь еще въ иныхъ старинныхъ церквахъ и монастыряхъ можно бываетъ увидать древнее било. Звонъ его

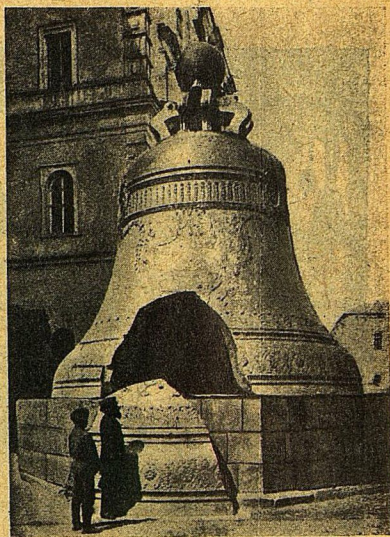

Старинные псковскіе колокола.

бываетъ иногда довольно пріятенъ, но, конечно, не можетъ сравниться по красотѣ и силѣ съ голосомъ большого колокола.

Колокольный звонъ всегда былъ важенъ и дорогъ чело-вѣку, потому что сопровождалъ его во всей его жизни, отмѣчая самыя важныя въ ней событія. Радостный, перебойный, залиvistый перезвонъ возвѣщалъ о дняхъ великихъ праздни-ковъ; унылый, точно медленно падающія тяжелыя слезы, бла-говѣсть призывалъ къ покаянной молитвѣ въ дни поста;

могучіе непрерывные удары вѣчевого колокола собирали народъ на вѣче въ старинныхъ вольныхъ русскихъ городахъ; тревожный, скачущій, задыхающійся звукъ набата кричалъ о бѣдѣ-пожарѣ; далекіе предночные мудрые звоны въ тишинѣ говорили о быломъ, позабытомъ, но близкомъ и родномъ, о молитвѣ и покое, и эти же медленно - печальные звоны провожали человѣка въ могилу. Такъ много говорили всѣ эти звоны душѣ и разуму человѣка, столько было въ нихъ красоты и мудраго, глубокаго значенія, что люди не могли относиться къ колоколамъ, какъ къ неодушевленнымъ предметамъ. Каждый большой колоколъ становился живымъ, одушевленнымъ существомъ. Одинъ римскій папа постановилъ, чтобы каждый вновь отлитый колоколъ крестили. Ему

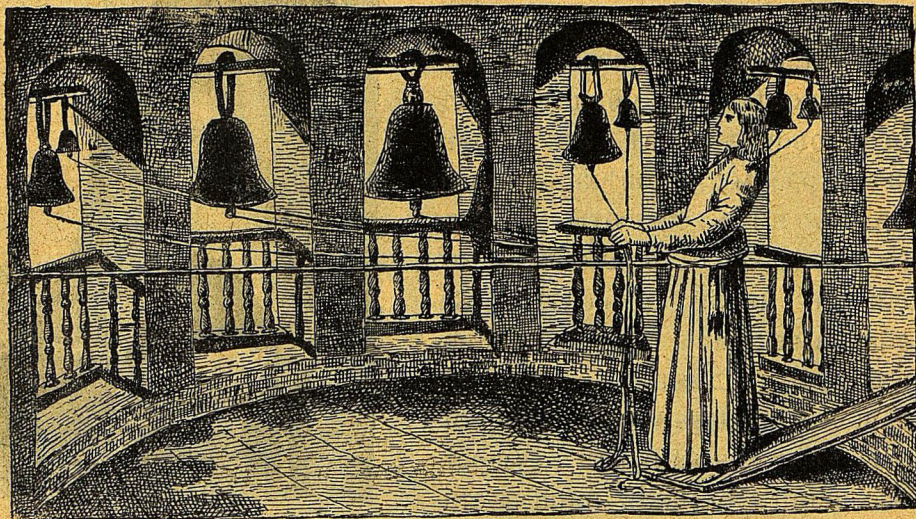

Московскій Царь-колоколъ.

выбирали крестныхъ—отца и мать—и давали имя какому-нибудь святого. У насъ колокола не крестятъ, но святятъ, и у каждаго большого колокола есть свое имя: Царь-колоколъ, Сысой Великій, Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и много другихъ.

Исторія знаменитаго московскаго Царя-колокола очень древняя, длинная и интересная. Впервые онъ былъ отлитъ при царѣ Иванѣ Грозномъ, и было въ немъ тысяча пудовъ вѣса. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на его мѣсто былъ слитъ другой, гораздо большій колоколъ, вѣсомъ въ 8.000 пудовъ. Этотъ колоколъ долго и поднять не могли, а потомъ векорѣ,

во время одного пожара, онъ треснулъ. Сняли его, прибавили еще мѣди, золота и серебра и вылили колоколъ въ 12.000 пудовъ. Подняли его надъ огромной ямой, въ которой отливали, и повѣсили на особыхъ подмычкахъ. Тутъ случился большой пожаръ. Одна женщина зажгла маленькую копеечную свѣчку

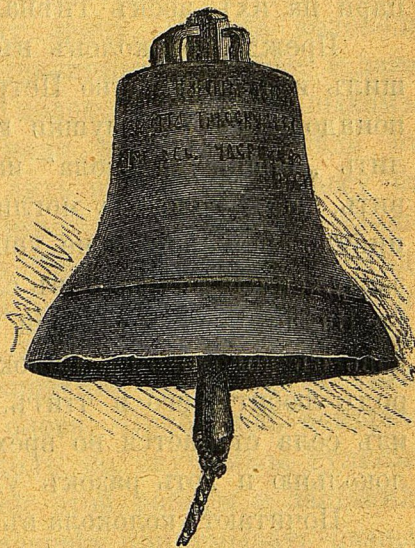
Ростовскіе колокола.

передъ образомъ, отъ этой свѣчки и загорѣлось, а выгорѣлъ почти весь городъ. Съ тѣхъ поръ и осталась намъ пословица: „Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла.“ Было это въ 1737 году, какъ разъ въ Троицынъ день. Кремль тоже былъ въ огнѣ. Подгорѣли брусья, на которыхъ висѣлъ новый огромный колоколъ возлѣ колокольни Ивана Великаго, рухнулъ колоколъ въ ту яму, гдѣ его отливали, и вышибло отъ него кусокъ края. Тамъ и лежалъ онъ многіе годы, не то въ колыбели, не то въ могилѣ. Цѣлыхъ 99 лѣтъ пролежалъ, и тогда только его вытащили изъ ямы и поставили на каменномъ помостѣ,

гдѣ онъ стоитъ и теперь. Стоитъ и молчить, а вмѣсто него звонить могучимъ звономъ самый большой колоколъ въ Москвѣ „Успенскій или праздничный.“ Въ ночь на Свѣтлый Праздникъ какъ ударятъ въ этотъ колоколъ, такъ гулъ его и поплыветъ по всей Москвѣ, и всѣ другіе колокола на безчисленныхъ большихъ и малыхъ церквахъ начинаютъ звонить отвѣтно своему старшему.

Кромѣ московскихъ колоколовъ, издавна славились на Руси колокола ростовскіе своимъ „краснымъ звономъ.“ Красный—значитъ особенно звучный, прекрасный. Одной изъ первыхъ колоколенъ считается также колоколенья Троице-Сергіевской лавры подъ Москвой. На этой колокольні 34 колокола. Вообще замѣчательныхъ колоколовъ и по звону, и по исторіи

своей на Руси такъ много, что всѣхъ не перечесть. Расскажу вамъ только еще объ одномъ колоколѣ, который находится въ Сибири. Зовутъ его „Углицкій карноухій.“ Колоколъ этотъ—ссылный. Висѣлъ онъ прежде въ Угличѣ, и когда убили сына Ивана Грознаго, малолѣтняго царевича Димитрія, начали звонить въ этотъ колоколъ, чтобы собрать народъ и оповѣстить его о несчастіи. Собрался народъ и стали говорить, что убійцы подсланы царемъ Борисомъ Годуновымъ. Годуновъ объ этомъ узналъ и многихъ людей сослалъ въ ссылку. Но не однихъ людей. Разгнѣвался царь и на колоколъ: какъ смѣлъ звонить, и его тоже сослалъ въ Сибирь, да еще и ухо

Углицкій-карноухій.

ему велѣлъ отсѣчь. Вотъ, какъ сильно было въ людяхъ чувство, что колокола живые, что у нихъ есть своя воля, и что они отвѣтственны за свои поступки. Кромѣ Углицкаго карнаухаго, есть еще нѣсколько „ссылныхъ“ колоколовъ: тоже цари на ихъ звонъ гнѣвались и ссылали ихъ, какъ людей.

Прежде колоколовъ въ Россіи было еще больше. Уменьшилъ ихъ количество Петръ Великій: во время одной войны понадобились ему пушки и другія орудія, онъ и велѣлъ перелить „лишніе колокола“ на эти орудія. Трудно себѣ представить, какіе колокола могли оказаться лишними. Вѣрно какіе-нибудь маленькіе и не успѣвшіе заслужить любви, а старыя, заслуженные колокола въ слишкомъ большомъ почетѣ у людей. Во Владимірской губерніи есть село Мошка, а въ Мошкѣ церковь съ колоколомъ. Колоколъ древній, разбитый, но весь народъ любитъ его и чтитъ, какъ святыню. Каждый старикъ изъ села старается во время праздника Пасхи влѣзть на колокольню и хоть разокъ ударить въ разбитый колоколъ.

Почитаютъ колокола въ Россіи, почитаютъ ихъ и за границей. Въ Англіи такъ любятъ звонить въ колокола, что тамъ есть цѣлыя общества звонарей. Въ англійскомъ городѣ Оксфордѣ есть извѣстный колоколъ по имени „Большой Томъ.“ Въ Парижѣ, на соборѣ Парижской Богоматери, виситъ самый старинный французскій колоколъ. Его зовутъ „Бурдонъ“ отъ глагола „bourdonner“—гудѣть или жужжать.

На иностранныхъ колоколахъ встрѣчаются иногда очень интересныя надписи, сдѣланныя всегда какъ-будто отъ лица самого колокола. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ надписей: „Я измѣряю время для всѣхъ и призываю людей къ радости, печали и въ храмъ.“ „Живыхъ призываю, объ умершихъ плачу, молнію сокрушаю.“ „Славлю истиннаго Бога, созываю народъ, собираю клиръ церковный, оплакиваю усопшихъ, про-

гоняю заразу, украшаю празднества.“ Вѣра въ то, что колокольный звонъ имѣеть цѣлебную силу и спасаетъ отъ молніи и разныхъ бѣдствій—всегда была сильна у всѣхъ народовъ.

Колокола отливаются изъ мѣди съ прибавленіемъ въ нее олова. Прибавляютъ также золота и особенно серебра, думая, что это придаетъ особую красоту звону. Иногда колокола дѣлали и не мѣдные, а чугунные, стеклянные, глиняные и даже лыковые, то-есть, разбитые мѣдные колокола обшивали лыкомъ.

Лить колоколь не легко: надо расплавить мѣдь въ плавильнѣ и потомъ, по желобу, лить раскаленную массу въ глиняную форму, сдѣланную въ землѣ. Лить надо не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Если много лить — мѣдь выйдетъ изъ желоба и польется на землю, а недостаточно лить — вся работа пропадаетъ, и колоколь надо вновь переливать. Необходимо также необыкновенно точно знать, какое прибавить къ мѣди количество олова. Прибавишь невѣрное количество, и не выйдетъ колоколь со звучнымъ, гулкимъ звономъ. Вѣроятно, трудность всей этой работы и заставила литейщиковъ для отдыха и развлечения придумывать разныя невѣроятныя исторіи и небылицы во время литья колоколовъ. Мало-по-малу это вошло въ обычай и стало извѣстно подъ именемъ „литья колоколовъ.“ Когда кто-нибудь заврется, такъ и говорятъ:

Ну, это онъ колокола льетъ.

Есть еще одно выраженіе, тоже появившееся отъ колоколовъ. Въ старину колокола назывались „тяжкая“ отъ ихъ сильныхъ, тяжелыхъ ударовъ, и звонить во всѣ колокола называлось: „во всѣ тяжкія.“ Теперь, когда человѣкъ начинаетъ жить буйно, себя не помня, то про него говорятъ: „Пустился во всѣ тяжкія.“

Въ иностранныхъ церквахъ звонъ производится раскати-

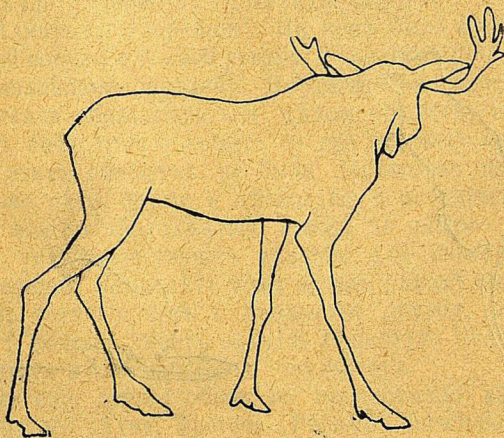
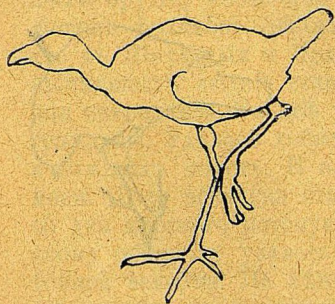
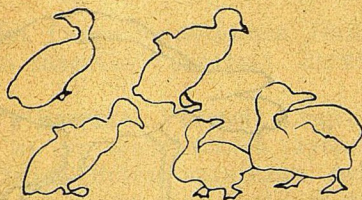
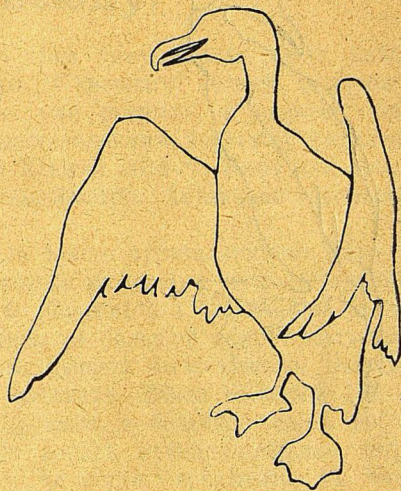
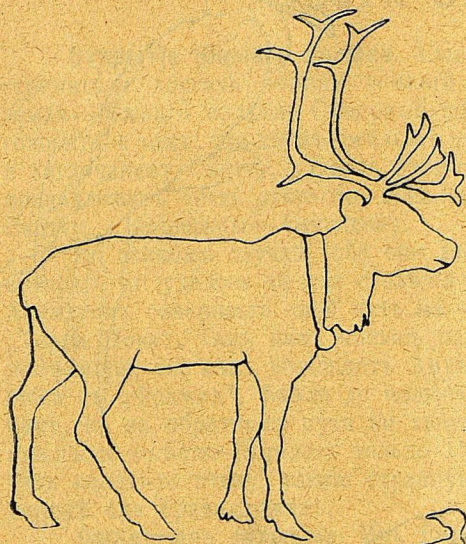
ваніемъ самого колокола, а у насъ раскачиваютъ только языкъ. Есть особые любители колокольнаго звона, которые доводятъ это искусство до совершенства и умѣютъ названивать цѣлыя молитвы. Стоитъ такой любитель на колокольні, высоко надъ землею, далеко отъ всѣхъ и подергиваетъ за веревки ловко и умѣло, а вокругъ него весь воздухъ дрожить и ходуномъ ходитъ, и поетъ и плыветъ и разливается красный, малиновый звонъ.

Игра въ цѣпь изъ словъ.

Тотъ, кто начинаетъ игру, произноситъ слово. Всѣ должны это слово запомнить. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Мѣсто.“ Чтобы получить цѣпь изъ словъ, надо найти слово, начинающееся двумя или тремя послѣдними буквами перваго слова. Первое слово было: „мѣсто.“ Второе слово можетъ быть: „стога.“ Слѣдующее — „гамаши,“ потомъ — „машина,“ „иначе,“ „человѣкъ“ и такъ далѣе. Начавшій можетъ самъ продолжать цѣпь, то-есть, подыскивать слова, или передать ее кому-нибудь изъ играющихъ, бросая ему платокъ при произнесеніи слова. Можно брать какія угодно слова: существительныя, прилагательныя, глаголы, все, что хотите. Тотъ, кому брошено слово „человѣкъ,“ можетъ сказать: „вѣками“ и такъ далѣе. Выигрываетъ тотъ, кому удастся спаять цѣпь кольцомъ, то-есть найти слово, начинающееся концомъ даннаго ему слова и кончающееся началомъ того слова, съ котораго началась игра. Дано было первымъ слово: „мѣсто.“ Если передъ этимъ дано было слово: „драма,“ то, желающій спаять цѣпь кольцомъ и выиграть, произноситъ: „мамѣ.“ Такимъ образомъ цѣпь запаяна кольцомъ, и начинается розыгрышъ фантовъ. Фанты собираются съ тѣхъ, которые не могли подыскать слова для продолженія цѣпи.

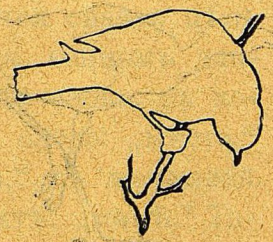
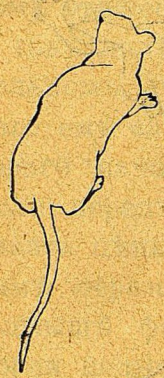
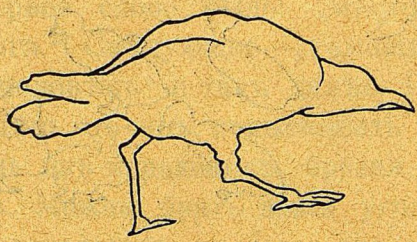
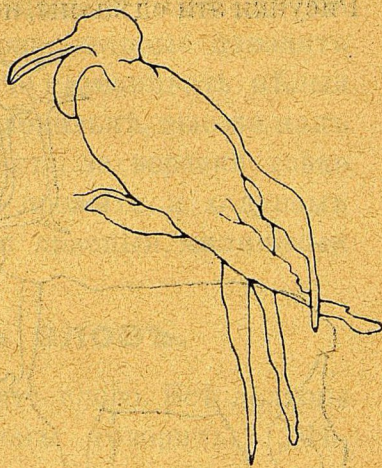
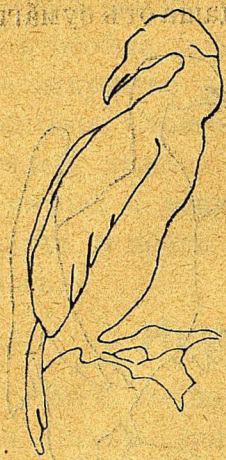
Рисунки животных и птицъ.

Рисунки эти сдѣланы, не отнимая ни разу карандаша отъ бумаги.

Рисунки животных и птиц

Изображение животных и птиц на бумаге

Вѣсти отовсюду.

Открытіе Южнаго полюса. Еще два вѣка тому назадъ люди начали стремиться достигъ темені земнаго шара, Сѣвернаго полюса, и подошвы земли—Южнаго полюса. Сѣверный полюсъ уже открытъ, а недавно стали говорить о томъ, что двумъ смѣлымъ путешественникамъ, норвежцу Амундсену и англичанину Скотту, удалось открыть и Южный полюсъ. Кому изъ двоихъ принадлежитъ честь открытія, пока еще неизвѣстно. Англичане говорятъ—Скотту, а норвежцы—Амундсену.

Во всякомъ случаѣ, оба они достигли такого пункта земнаго шара, до котораго не удалось за два столѣтія добраться ни одному путешественнику. Амундсенъ совершилъ свой путь на суднѣ „Фраммъ“, а Скоттъ—на шхунѣ „Терра Нова“. Такъ какъ полюсъ находится на большой высотѣ надъ уровнемъ моря, то, какъ сообщаетъ Амундсенъ, дышать было тяжело. Высадившись съ „Фрамма“, ѣхали до полюса на собакахъ. Взяли съ собою 150 собакъ, но на обратномъ пути не хватило провизіи, и большую часть собакъ пришлось съѣсть. Осталось только 11. По дорогѣ путешественники встрѣтили какую-то птицу, такую странную, что не могли опредѣлить, къ какой породѣ она принадлежитъ.

Ожидаемое затмѣніе. Изъ Россіи отправляется экспедиція въ Португалію, для наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія. Затмѣніе произойдетъ 16 апрѣля.

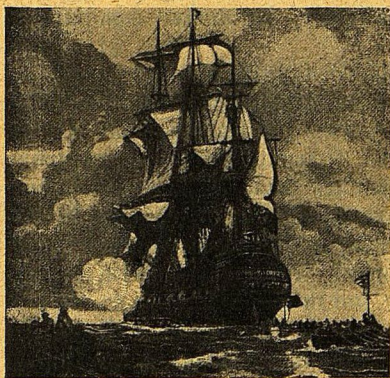
„Адмираль Флоренці“ и фрегатъ „Ръзвый“. Сокровища, похищенные бурнымъ моремъ и сокрытыя въ его неизвѣданной глубинѣ, всегда сильно дѣйствовали на воображеніе людей. Всегда находились смѣльчаки, увлекавшіеся мыслью заставить море возвратитъ ненужныя ему богатства.

Въ концѣ XVI вѣка потонуло у береговъ Шотландіи огромное итальянское судно, называвшееся „Адмираль Флоренці“. На немъ было 40 большихъ орудій, множество золотой посуды и всякой утвари, и деньгами 200 милліоновъ франковъ (около 80 милліоновъ рублей). Неудивительно поэтому, что въ Шотландіи и Ирландіи стали образовываться цѣлыя общества предпримчивыхъ людей, ставившихъ себѣ цѣлью добыть со дна морского погребенія сокровища. Но все труды этихъ обществъ не были достаточно вознаграждены. Удалось добыть только одно орудіе и нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ. И всетаки поиски продолжались вплоть до нашего времени. Люди всячески старались усовершенствовать машины для извлеченія со дна морского потонувшихъ вещей. Семь лѣтъ тому назадъ одному английскому обществу удалось достать сотню монетъ и множество оружія, очень тонкой чеканки. На нѣкоторыхъ вещахъ стоитъ подпись Бенвенуто Челлини, знаменитаго итальянскаго золотыхъ дѣлъ мастера и скульптора.

Въ прошломъ году, осенью еще другое общество предприняло извлеченіе со дна моря остатковъ другого судна, фрегата „Ръзвый“ погибшаго въ

последній годъ XVIII столѣтїя, то-есть сто двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Экспедиція отправилась къ острову у входа въ Зюдерзее—это заливъ Сѣвернаго моря у береговъ Голландїи. Въ этомъ мѣстѣ потонулъ фрегатъ, то-есть военное судно, „Рѣзвый“.

„Рѣзвый“ шель въ Гамбургъ и везъ туда 1.200.000 фунтовъ стерлинговъ или 30 милліоновъ франковъ, что на наши деньги составляетъ около 12 милліоновъ рублей.

Фрегатъ (военное судно) „Рѣзвый“, потонувшій 9 октября 1799 г.

Нѣсколько разъ пытались достать со дна моря эти деньги, но до сихъ поръ неудачно. Въ прошломъ вѣкѣ, правда, голландскимъ водолазамъ удалось проникнуть внутрь потонувшаго судна, и они добыли множество монетъ, но, когда черезъ 45 лѣтъ была отправлена цѣлая экспедиція для розысковъ „Рѣзваго“, она уже не нашла его на мѣстѣ, указанномъ на картѣ. Вѣрно остатки фрегата были увлечены теченіемъ, которое особенно сильно у этихъ береговъ. Новая экспедиція отправилась на пароходѣ „Ліонъ“ осенью прошлаго года. „Ліонъ“ нарочно построенъ для этого случая. На немъ устроена особая машина съ очень сильнымъ всасывающимъ насосомъ. Въ поперечникѣ насосъ имѣетъ около аршина. Въ часъ онъ выкачиваетъ 1.700 бочекъ песка и высыпаетъ его въ огромный ящикъ, сдѣланный изъ рѣшетокъ.

Дно ящика наклонно. Вода стекаетъ въ отверстїя рѣшетки, а твердые предметы сыплются до половины наклоннаго дна въ особое помѣщеніе, гдѣ рабочїи отбираетъ все, что можетъ имѣть какую-нибудь цѣнность. Все остальное сыплется по наклонному дну дальше, до его основанїя. Здѣсь попадаетъ на доску, устроенную надъ водой. Тамъ все сыпавшееся еще разъ пересматривается, и ненужное сбрасывается въ море.

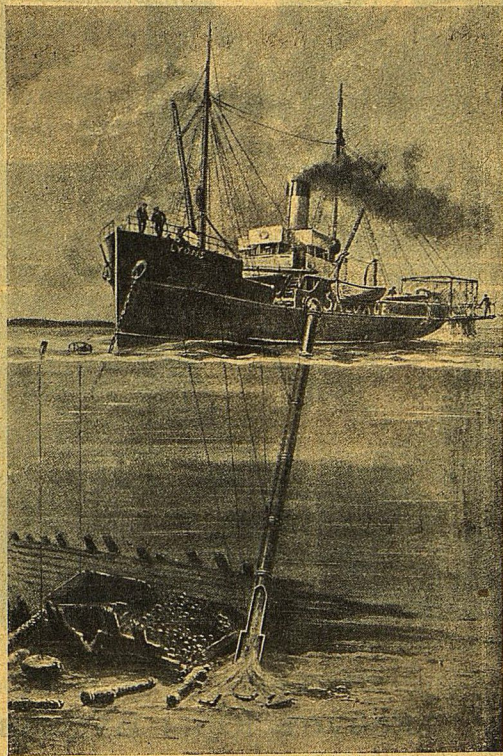
Зная, что на прежнемъ мѣстѣ „Рѣзваго“ уже нѣтъ, „Ліонъ“ изучилъ направленїе теченїя и пошелъ по этому направленїю. Каждые 12 часовъ начинали работать насосомъ. Черезъ нѣсколько дней съ радостью увидѣли, что насосъ выплонулъ въ ящикъ осколки дерева.

„Рѣзвый“ былъ найденъ. Онъ лежалъ подъ слоемъ мягкой глины и песка, на глубинѣ нѣсколькихъ сажень. Оставалось только вытащить его. Но тутъ начались всевозможныя затрудненїя. Бури очень часто свирѣпствуютъ въ этихъ мѣстахъ Сѣвернаго моря. Не даромъ моряки называютъ ихъ однимъ изъ „морскихъ кладбищъ“. Вѣтеръ налетаетъ совершенно неожиданными порывами, приливы отличаются особенной силой. Все это мѣшало спуску водолазовъ, а безъ ихъ указанїй и помощи работа насоса почти

бесполезна. Водолазы даютъ отверстию насоса надлежащее направленіе и набрасываютъ цѣпи на тяжелые предметы, которые насосъ ни втянуть, ни поднять не можетъ. Работа водолазовъ, какъ всегда, очень опасна. Одинъ изъ водолазовъ „Ліона“ чуть не погибъ. Въ одинъ тихій июньскій день онъ спустился на дно моря, чтобы наблюдать за работой насоса. Вдругъ замѣтили, что сигнальная веревка перестала двигаться. Товарищъ спустившагося быстро надѣлъ водолазный аппаратъ и уже готовъ былъ сойти въ воду, хотя погода сразу измѣнилась, и стали ходить большія волны. Вдругъ у борта парохода что-то появилось. Стали смотрѣть. Странное что-то: точно двѣ подошвы. Быстро спустили лодку, чтобы она достала непонятный предметъ, и скоро изъ воды былъ вытасченъ водолазъ головою книзу.

Придя въ себя, онъ разсказалъ, что съ нимъ случилось. Какъ только началась зыбь, волны сшибли его съ ногъ, а сигнальная веревка такъ запуталась въ обломкахъ „Рѣзваго“, что онъ никакъ не могъ ее высвободить. Къ счастью, трубка для накачивания воздуха была свободна, и онъ пустилъ ее въ ходъ. Костюмъ его надулся воздухомъ и облегчилъ его тяжесть, а веревку онъ перерѣзалъ однимъ ударомъ кинжала. Къ несчастію только, ноги его были легче, чѣмъ голова, и первыя устремились къ поверхности воды.

Пользуясь тихою лѣтнею погодой, „Ліонъ“ почти совершенно освободилъ заднюю часть потонувшаго фрегата, гдѣ, какъ предполагается, заперты слитки золота. Уже было вытасчено множество ядръ, два якоря и двѣ или три сотни серебряныхъ монетъ, но подошла осень, началась дурная погода, и работы пришлось отложить до весны. Пожелаемъ капитану „Ліона“ найти 30 милліоновъ франковъ. Онъ и его команда вполне заслужили эту награду тяжелымъ и упорнымъ трудомъ.

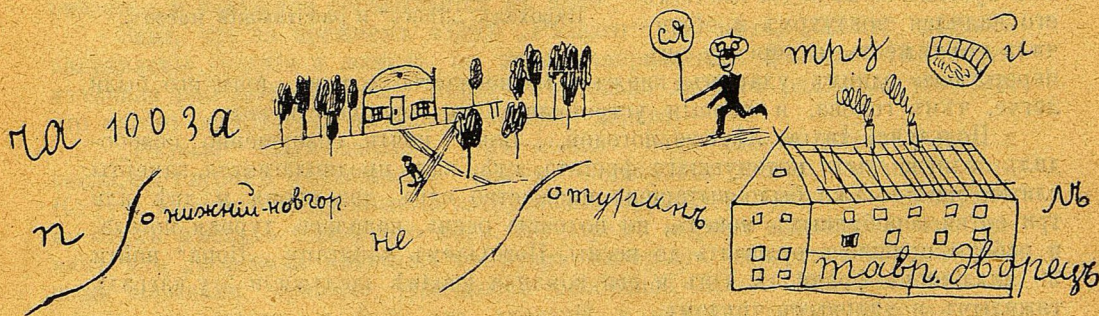
Пароходъ „Ліонъ“ и работающій насосъ.

СчастливыЙ цыпленокъ.

Цыпленокъ (проходя мимо магазина съ модными дамскими шляпами). Какъ я счастливъ, что родился мальчикомъ, и мнѣ не придется носить на головѣ эти ужасы.

Ребусъ Юры Бутковскаго № 2.

Шарада № 5.

Мой первый слогъ милѣй, чѣмъ вы.
Второй—въ пруду, средь водяной травы
Къ дождливой слышится погодѣ,
А все мое—на огородѣ.

Шарада № 6.‡

Мое начало—непріятный звукъ,
Кончаюсь буквой я согласной,
А все мое—звукъ можетъ дать прекрасный,
Но требуетъ умѣлыхъ рукъ.

Загадка № 14.

Увидѣвши орудіе большое,
Его вы съ восклицаньемъ назовите,
А по всему—вы въ лѣсъ гулять идите.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ №.

Задача № 1. Въ классѣ было 12 мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, 9—тринадцати, 4—десяти и 4—четырнадцати лѣтъ.

Загадка № 9. Мачта—мечта.

Загадка № 10. Скала—скалка.

Загадка № 11. Игра—икра.

Загадка № 12. Локоть—ломоть.

Загадка № 13. Бал—ка.

Рѣшеніе задачъ нашихъ читателей.

Загадки Маріи Кочевницкой.

Загадка № 1. Под—носъ.

Загадка № 2. М—уха.

Загадка № 3. Само—варъ.

Загадка № 4. Р—оса.

Загадка № 5. Сап—огъ.

Ребусъ Юры Бутковского № 1. Куда сорока и ворона не летяць, вездѣ навозъ клюють.

Отъ Комиссіи С.-Петербургскаго Общества Грамотности по устройству школьныхъ столовыхъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 17 декабря по 17 февраля поступило всего 3.088 р. 56³/₄ к. На средства эти Обществомъ Грамотности содержится шесть столовыхъ.

Комиссія приносить всѣмъ жертвователямъ глубокую признательность за помощь бѣдствующимъ школьникамъ и спасеніе ихъ отъ тифа, цынги, а быть можетъ, и смерти, выражая при этомъ твердую надежду на дальнѣйшую поддержку со стороны добрыхъ людей, которые не откажутъ довести до конца (до новаго хлѣба) необходимое дѣло.

Пожертвованія, съ указаніемъ цѣли, въ какомъ угодно размѣрѣ, — каждая копейка дорога — просимъ направлять: С.-Петербургъ, Театральная ул., 5, Общество Грамотности. Посылать можно по почтѣ или заносить лично ежедневно отъ 11 до 3 часовъ (кромѣ праздничныхъ дней).

Редакт.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манаскина.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе.

Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Семимѣтка“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 86 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунки. Ц. 20 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунки. автора. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. низшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.
ДОПУЩЕНО въ библ. низш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролиса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ рисунками В. Раббе. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. городокихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. завед.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. низшихъ учебн. завед., пріют., малолѣтн. отдѣл. и приготов. класс. средн. учебн. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Земляничка“ Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Франсъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ учебн. завед.

Шапиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шведеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для учен. библ. младш. класс. средн. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манасевича И. И. „Цербетная принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II. Съ иллюстраціями Т. Гипшлусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній.

Оду, Маргарита. „Пастушка“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт. и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушкино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ (60 печ. лист. въ годъ).

Въ 1912 году научный отдѣлъ „ТРОПИККИ“ будетъ значительно расширенъ. Въ этомъ отдѣлѣ примутъ участіе: проф. е. ф. Зѣлинскій, проф. м. и. Ростовцевъ (исторія), проф. а. п. Павловъ (геологія), а. п. Лондизъ (астрономія), с. п. Лебедевъ, л. н. Никоновъ (ботаника), л. н. Салтыковъ (физика и химія), а. в. Мезіеръ (географія), н. м. Герсевановъ, н. н. Ермолинъ, и. в. Селиверстовъ (современныя изобрѣтенія и сооруженія), э. к. Пименова, е. и. Львовъ (зоологія).

Для беллетристическаго отдѣла редакціей пріобрѣтены слѣдующіе повѣсти, рассказы и сказки:

А. Вержникова—«Переселенческой мальчикъ», И. Гинцбургъ—«Моя обезьянка Маруша», З. Гиппиусъ—«Утро», В. Карачаровой—«Край свѣта», Н. Манасеиной—«Царевны» (изъ времени царя Алексѣя Михайловича), М. Моравской (Рики-Тики)—«Одуванчикъ и зміяная шкурка» и «Егорка», Евг. Соловьевой—«Сынъ разбойника» (рассказъ изъ кавказской жизни), П. Соловьевой (Allegro)—«Горы и пыль» и «Непутевый» (изъ народныхъ сказаній), М. Толмачевой—«Единька», О. Форшъ—«Духовикъ», Е. Шведеръ—«Мусью», Е. Юне—«Изъ моего дѣтства» и мн. др.

Въ каждомъ № журнала будутъ помѣщаться:

1) Составленныя А. П. Лондизъ карты неба, какъ руководство для самостоятельныхъ наблюденій. 2) Историческій календарь съ указаніемъ важнѣйшихъ событій русской исторіи. 3) Игры и занятія (рисованіе, лѣпка, указанія, какъ дѣлать самимъ игрушки и проч.).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг.—комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій уплачивается 20 н., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается 40 н. До полученія денегъ контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ № 497-55.

Редакт.-Издат. п. соловьева и н. манасейна.

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на журналъ „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“, Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филемонова, Б. Никитская, 22.